

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

I. УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ

И УЧИТЬСЯ... НАЦИОНАЛИЗМУ!

Сидорина Т.Ю., Полянников Т.А.
Национализм. Теории и политическая практика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. — 360 с.

Как же нужно дефинировать и исторически классифицировать национализм?

В этом вопросе по-прежнему сильно расходятся ученые в области социальных наук.

Определенное согласие существует лишь в том, что в новой европейской истории национализм представляет собой одну из самых эффективных интеграционных идеологий, с помощью которых мобилизуются народные массы.

Этот укус не смертелен

Неожиданный подарок судьбы — в мои руки попала книга, предназначенная совсем другому читателю: вузовский учебник на тему национализма, рекомендованный почему-то для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Экономика».

Дождались и мы, националисты русские, светлого дня: нашему предмету начинают учить в вузах! Да не в каких-нибудь, а в одном из самых престижных, элитных, где сильные мира сего готовят себе смену — в Высшей школе экономики. Этот вуз демократы ельцинского призыва создали в первую очередь для себя и своих детей, недаром вручив бразды правления Евгению Ясину, духовному отцу Гайдара. И недаром ВШЭ прозвали в народе «осиным гнездом либерализма».

Что же вынудило сотрудников *такого* вуза обратиться к теме национализма, казалось бы, неорганичной для либерально-космополитического кон-

тингента? На мой взгляд, главных причин три.

Во-первых, как я убедился, изучив книгу, это чисто научный, академический интерес, который у всякого настоящего ученого (а Т.Ю. Сидорина, несомненно, из этого племени) имеет независимый характер и сам указывает, чем заняться на сей раз.

Во-вторых, преподаватели высшего звена ВШЭ по понятным причинам озаботились воспитанием студенчества в «правильном» духе. Для чего мастерски точно, полно и аргументированно создали трактовку феномена национализма с либерально-космополитической точки зрения. Оказав этим большую услугу скорее нам, националистам, нежели студенчеству. Ибо перед читателем предстает не только *credo* ангажированных авторов во всей полноте своих сильных и слабых сторон, но и все их фобии (истинная движущая сила книги). Именно это обстоятельство делает данный «укус осы» несмертельным, придает ему характер прививки, после которой воззрения националиста станут только крепче, а умный студент сделает умные выводы.

В-третьих... Но об этом авторы скажут сами.

Дорогостоящее признание

Сотрудники суперлибералистского идейно-политического центра, коим является ВШЭ, делают в завершение книги выводы неожиданные, но трезвые.

Самый главный из них звучит так: «“Русский национальный проект” в его современной форме является антитезисом провалившегося “либерального проекта”» (с. 342). Авторы приводят с десяток аргументов, из которых неопровержимо следует, что именно национализм в наши дни сделался главным и основным, «фронтальным» оппонентом либерализма.

Такое признание, прозвучавшее из недр цитадели российского либера-

лизма, безусловно, дорогого стоит. Собственно, мы видим здесь даже не одно признание, а три: 1) либеральный проект в России провалился; 2) перспектива его реставрации не просматривается; 3) единственная реальная альтернатива на будущее — русский национализм. Обнадеживающе.

Авторы поясняют, что только три идеологии — коммунизм, либерализм и национализм — пользуются «наибольшим влиянием в современной России». При этом добавляют важнейшее наблюдение: «рассматривая... программные тексты и действия основных российских... политических сил и публичные заявления их лидеров, можно сделать вывод о постепенном сдвиге их идеологических предпочтений именно в сторону признания, пусть не в полной мере и с теми или иными оговорками, многих позиций националистической идеологии. Это относится не только к такой политической структуре, как “Родина”, но и к “Единой России” и КПРФ. Кроме того, сторонники современного русского национализма представлены также на достаточно высоких уровнях исполнительной ветви власти» (с. 343).

Последнюю фразу я не могу прокомментировать (мало данных), а авторы не раскрывают персональных секретов, так что остается только верить их осведомленности. Что я делаю тем более охотно, что за сими словами авторы рисуют перспективу настолько радужную, что хочется отбросить все сомнения и доверять им безоговорочно:

«В случае неблагоприятного для России поворота международных отношений и нарастания внутреннего кризиса весьма вероятной становится идеологическая трансформация существующего в стране политического режима из либерально-демократического в авторитарно-националистический» (с. 344).

Что ж, как говорится, вашими бы устами (насчет поворота международных отношений не поручусь, зато нарастание внутреннего кризиса можно

гарантировать стопроцентно). Напомню, что подобную будущность нам уже предсказывали, причем опять-таки одновременно из двух противостоящих лагерей¹.

Фельетонист былых времен непременно завершил бы тему оптимистической цитатой: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Но, по-моему, не так все просто — и для самих авторов-либералов, и для нас, националистов.

Да, выше прозвучало важнейшее, эпохальное признание, почти безоговорочная капитуляция либералов перед националистами. Но в том-то и дело, что «почти». Верные своей природе и фирменной марке ВШЭ, они, даже стоя одной ногой в политической могиле, пытаются вести с нами торг об условиях сдачи. А заодно, как осе и положено, подпускают капельку яда, чтобы сделать нас сговорчивее. Подробности ниже.

Националист? Предъяви сертификат соответствия!

Что волнует сегодня передовую либеральную мысль, фундаментально представленную в учебнике «Национализм»? Одно: договороспособность националистов на тот случай, если придется с нами договариваться. Не обманем ли? «Как показывает практика, — делятся они своими опасениями, — некоторые группы националистов (как, впрочем, представителей и других политических течений) проявляют готовность “играть по демократическим правилам” лишь из тактических соображений, т.е. до тех пор, пока

¹ Неизбежность победы националистического дискурса почти одновременно провозгласили такие диаметрально противоположные по своим убеждениям политологи, как Эмиль Паин и Валерий Соловей. Подробнее см.: *Севастьянов Александр*. Русское национальное государство: «рай для своих» или «лавка смешных ужасов»? // Политический класс. 2008. № 4.

им не удастся сосредоточить в своих руках достаточного объема властных полномочий» (с. 350).

Надо заранее навести все нужные мосты. «Завершая работу, — итожат авторы, — следует подробнее рассмотреть вопрос о том, как в начале XXI века национализм соотносится с принципами либерализма и демократии. Этот вопрос крайне важен и с теоретической и с политико-практической точек зрения» (с. 348).

И вот в вопроснике, предложенном для студентов, появляются такие, например, неожиданные вопросы:

« — Как принято классифицировать национализм в зависимости от его отношения к демократии?»

— Каким критериям должен удовлетворять либеральный национализм?» (с. 345).

Ново — и странно, не так ли? Но студентам ли адресованы на деле эти вопросы? Нет, скорее — второй высокой договаривающейся стороне, то есть нам, националистам. Авторы как бы намекают, подсказывают нам: господа, играйте по нашим правилам, соглашайтесь на наши условия, и мы не станем с вами биться всерьез, новой гражданской войны не будет, все покончим миром, приходите и владейте...

Что же должны отвечать студенты (т.е. какой сигнал должны уловить мы, чтобы соответствовать ему)? Тут авторы ссылаются на ряд авторитетных источников² и приводят ключевые соображения. В первую очередь, общего характера: «С точки зрения отношения к демократии, как правило, выделяются три типа национализма: *враждебного* демократии, *нейтрального* и *соответствующего* ее базовым принципам и задачам»³ (с. 348).

² Труды А.И. Соловьева, А.М. Дробижевой, Д. Миллера, М. Линда, В. Коротеевой и др.

³ Тут авторы ссылаются на: *Соловьев А.И.* Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект-пресс, 2000. С. 187.

Скажу сразу, данный меседж нашел-таки своего адресата. Журнал «Вопросы национализма» № 2/2010 почти весь целиком посвящен проблеме «союза земли и воды» (сиречь возможностям марьяжа национализма и либерализма). В особенности — статья Александра Храмова⁴, да и я там же подробно расписываю именно национал-демократические воззрения мои и моих коллег⁵.

Проверкой нас на верность национал-демократическим принципам авторы не ограничиваются и далее подробно перечисляют условия своей почетной капитуляции. Для этого победоносные националисты должны соответствовать шести критериям (по А.М. Дробижевой):

«О либеральном национализме можно говорить, если:

— государственность декларируется от имени граждан, проживающих на территории республики, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной территории (или народов, этнонаций, национальностей, живущих в республике);

— устройство государства в республике можно отнести к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее избирательное право, представительный характер власти, выборность власти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;

— обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;

— допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, сво-

⁴ *Храмов Александр.* Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма // ВН. 2010. № 2.

⁵ *Севастьянов Александр.* Национал-демократия — не национал-социализм // ВН. 2010. № 2.

бода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы, возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических, сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;

— наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;

— обеспечивается свободное право личности на выбор национальности» (с. 349).

На основании данного перечня критериев авторы учебника делают свой вклад в создание идеала «национализма в хорошем смысле слова» (В. Путин). Фиксируя дрейф интеллектуального мейнстрима России в националистический сектор, они сами спешат в него встроиться: «Либеральный национализм видится если и не доминирующей (к сожалению) формой современного национализма, то наиболее актуальной и перспективной» (с. 350). Ну, это пока не факт.

Как теоретик и политик-инсайдер русского национализма, я сразу и совершенно уверенно могу сказать, что из названных шести критериев мы практически полностью соответствуем всем, кроме первого и последнего (с небольшой оговоркой: меньшинствам, конечно же, гарантируются права, но только общие, а не какие-то особые, и именно по соображениям демократии).

Но точно так же твердо и уверенно я гарантирую, что у русских националистов никогда не повернется язык ни декларировать русскую национальную государственность от имени всех людей, проживающих в России (т.е. попросту всего населения), ни признать, а тем более обеспечить свободное право личности на выбор национальности. Но, конечно же, не по причине нашей измены демократическим идеалам, а по причине нашей верности здравому смыслу и нежелания выглядеть пол-

ными идиотами и пропагандистами злого абсурда⁶.

Принятие националистами любой национальности двух отринутых мною выше условий означало бы не только добровольное признание абсурдистской логики, но и полное выхолащивание национализма как такового, манифестацию национализма без национализма. После чего рассчитывать на собственный сложившийся и распропагандированный электорат уже не придется: не поверит.

От русских националистов такого ждать не следует. Если из-за этого нас не удостоят сертификата истинных (читай: либеральных) националистов — что ж, придется пережить. Доверие русского народа важнее. Но не лучше ли либералам взяться за ум и снять заведомо невыполнимые требования с повестки дня?

Либералы пишут письмо турецкому фантому

Немного забегаая вперед, должен сказать, что в каком другом — а вот именно в русском национализме авторы ориентируются весьма поверхностно. Не знаю, в частности, почему они решили, что «опыт Турции как образец для руководства нашей страны в последнее время все чаще упоминают влиятельные сторонники современного русского национализма». Кого они имеют в виду? На моей памяти откровенная и развернутая апология турецкого национального государства в качестве примера для русских была выражена только один

⁶ Не перегружая справочный аппарат статьи обширными ссылками на материалы многих дискуссий на тему, чем и как определяется национальность человека, замечу лишь одно: мы, разумеется, за свободный, но документально обоснованный выбор личностью своей национальности. К примеру, сын татарки и башкира волен записаться как в татары, так и в башкиры, но, уж конечно, не в эфиопы, китайцы или русские.

раз в давней статье Вадима Сидорова «Путем Кемалья»⁷.

Однако именно турецкий вариант Сидорина и Полянников почему-то рассматривают как желанный и образцовый для русских националистов (на деле у нас есть образцы и получше). Быть может, им просто понадобился хоть какой-то жупел для российской аудитории?

Похоже, что так. В главе «Модель этнонации для России: выход или угроза?» они как раз и пытаются жупелировать: «Национализм... этнического типа в России может быть только национализмом русских. Но открыто заявить об этом, сделать ставку на “русский фактор” в существующих внутри- и внешнеполитических условиях слишком опасно, да и с практической точки зрения чрезвычайно сложно» (с. 339).

Насчет практики тут же следует сноска, с которой нельзя не согласиться: «Учитывая, например, чрезвычайно пестрый в этническом отношении состав российской экономической и политической элиты».

Но вот в обоснование какой-то якобы опасности ставки на русский фактор никаких серьезных аргументов авторы привести не смогли. Они честно формулируют свое главное опасение: «В любом случае гипотетический “русский проект” по определению не сулит гражданам страны спокойной и мирной жизни». Но почему? Отчего? По какому такому «определению»? Совершенно неясно и непонятно. Вот тут-то им и понадобился «классический» пример Турции, якобы столь близкий сердцу русского националиста. Авторы взяли «кратко напомнить о результатах и издержках “национальной модернизации” этого ближневосточного государства», чтобы доказать читателям, будто бы «опыт всех государств, реализовавших в своей истории сценарий

“этнического национализма”», чреват большими бедами и социальными катаклизмами (с. 339).

Правду ли глаголют авторы? Такое ли уж плохое будущее уготовал Турции и туркам Кемаль Ататюрк, совершивший национальную революцию во имя своего народа? Клянут ли его потомки за «национальную модернизацию», пеняют ли на «издержки»? Следует ли, соответственно, России и русским опасаться турецкого пути, чтобы, не дай бог, не разделить его последствий?

На мой взгляд, пример для запугивания выбран очень неудачный, а к России попросту неприменимый. Случилось так, что я посетил Стамбул не далее как в феврале сего года. Я (простите за нескромность) — внимательный, вдумчивый, даже вездельный и опытный путешественник-наблюдатель, мне пыль в глаза не пустишь и на мякине не проведешь. Я вполне ответственно заявляю: опасения беспочвенны, туркам действительно во многом можно позавидовать.

Главное — у Турции (конкретно: у турок) есть будущее, возможно — великое будущее. Мне легко сравнить Стамбул с Лондоном, Парижем, Берлином, где я нередкий гость, да и с Москвой, разумеется. Если Париж уже не принадлежит французам, а пригороды и подавно; если Лондон еще пытается, но, боюсь, тщетно, напрягать силки в борьбе с нашествием иноплеменных⁸; если Москва безрассудно следует их плачевным курсом, а Берлин — это просто глубокая и тихая общая могила, то Стамбул — огромный, кишачий живую жизнью муравейник, переполненный людьми одной породы, фонтанирующий всяческой активностью, оставляющий незабываемое впечатление единого жизненного устоя, самобытности и целокупности. Это под-

⁷ Национальная газета. 1998. № 4–5 (16–17).

⁸ Уж какая там борьба, если сам архиепископ Кентерберийский призвал ввести в Англии нормы шарията!

линия столица турецкого и никакого иного народа, его средоточие и мощно бьющееся сердце.

О чьей же судьбе нам, русским, стоит мечтать, с кого брать пример: с французов или с турок? Ответ очевиден.

Вопреки жупелированию наших авторов, следует подчеркнуть, что после кемалийских преобразований Турция уже без малого сто лет наслаждается относительным миром и покоем, так что их страшилки, мягко говоря, не соответствуют действительности. При этом замечу, что турки составляют 80% населения Турции, т.е. чуть меньше, чем русские в России, однако указанным благодеянием пользуются не только они, но и национальные меньшинства, за исключением, отчасти, вечно бунтующих курдов.

Что же конкретно смущает Сидорину и Полянникова? Почему они предостерегают русских не вступать на турецкий путь? Чьими интересами они руководствуются при этом? Чем этот путь так уж плох для нас?

Ну, во-первых, они предъявляют читателю геноцид армян 1915–1923 гг. Хотя именно Кемаль Ататюрк и именно в 1923 г. в ходе турецкой революции сверг халифат и объявил Турцию светским государством, после чего геноцид как раз и прекратился. Так что не стоит валить с большой головы на здоровую. Замечу также, что русские заплатили за модернизацию России геноцидом и экспроприацией собственного русского народа. Допустим, хотя это и не так, что турки каким-то мистическим образом заплатили за модернизацию Турции — геноцидом и экспроприацией армян. Кто умнее? Кто поступил лучше, правильнее? Тут и спрашивать нечего. Но главное: русские в наши дни никому не угрожают геноцидом и даже близко к тому не ставят вопрос, так что опасение наших авторов пропадает втуне, оно не про нас.

Кстати, в современной Турции никто, кроме политиков, уж и не вспоминает про армянский геноцид, и этот

тихо забытый факт никоим образом не нарушает «спокойную и мирную жизнь» абсолютно стабильной и внутренне солидарной страны.

Во-вторых, оказывается, «создать гражданское общество западноевропейского образца ни Ататюрк, ни его преемники так и не смогли!» (с. 340). Ай-яй-яй! Но в этом-то ведь и счастье Турции! Разве мы не видим с содроганием сердечным, до чего докатилась-доигралась Европа?! Недаром на Ататюрка все турки просто молятся, он самый высокочтимый человек на Земле, его портреты и в музеях, и в гостиницах, и в частных квартирах, все-народное обожание его безмерно... И попробуйте над этим пошутить!

Других аргументов против турецкого опыта у авторов не нашлось.

Вживую сравнив бурлящий энергией национальный турецкий Стамбул¹⁰ с увядающими космополитическими столицами Европы, я лично неколебимо уверился в том, что понятия о добре и зле у нас с либералами на этом оселке разошлись. Ведь мы хотим России добра, а не «гражданского общества западноевропейского образца», от которого умирают.

Так кого же они пугают? Пугать русским национализмом русских, как я выразился еще лет пятнадцать тому назад, это все равно, что рыбу пугать водой, — вполне бессмысленно. Пу-

⁹ Яркий пример: в Стамбуле есть небольшая община православных (!) турок-христиан со своей церковью, полной великолепных икон, в основном греческого письма. На внешней стене здания общины — громадный плакат с ликом Ататюрка и надписью: «Мы все — турки!» Позавидуешь...

¹⁰ Незабываемое впечатление производит вечером главная улица Истикляль (бывшая Пера), вся сияющая немислимой иллюминацией и залитая сплошь черноголовым народом так, что кажется единой слитной живой и трепещущей массой. Чего бы я не дал, чтобы увидеть так же плотно заполненную русоголовой молодежью Тверскую!

гать им нерусских, особенно евреев, — тоже напрасный труд, их позиция и так давно сложилась и устоялась, переменить ее вряд ли удастся.

Так что не надо нас Турцией страшать, ибо это не страшно.

Спасибо за предупреждение

Однако в учебнике «Национализм» содержится информация действительно пугающая, страшная. Едва ли не лучшие главы в книге — те, что посвящены раскрытию тем глобализации и постмодернизма. От этих явлений реально исходит невыдуманная и капитальная угроза нам, националистам и опекаемым нами народам. Весь высокий профессионализм ученых авторов выказал себя именно на данном поле.

Конечно, Сидорина и Поляников не так уж простодушны; они одновременно дают подсказку «и нашим, и вашим»: предупреждая националистов о грозящих объективных опасностях, тем самым указывают нашим противникам наши слабые места — наиболее многообещающие направления для атаки. Ведь неизвестно еще, чья возьмет; возможность примкнуть завтра к победителям нужно обеспечить сегодня.

Надо помнить, что только явный крах либерального проекта в России вынужденно подвинул авторов на попытку диалога, пусть пока заочного, с националистами. Но внутри себя либералы остались верны себе. И по большому счету эта блестящая книга написана умными, высокообразованными специалистами с целью развенчать национализм и поставить ему посильные заслоны. Научить российскую элиту завтрашнего дня эффективно противодействовать национализму. Даром, что элита, если она служит чужому хозяину вместо своего народа, т.е. если она не националистична, не может считаться элитой.

Так или иначе нам есть за что поблагодарить авторов. Даже если они предупредили нас не нарочно и многое

приходится вычитывать между строк. *Praemonitas — praemunitas.*

На какие же угрозы для конечного торжества националистов они указали? Это:

— эпоха постмодерна, начавшаяся в 1970-е и пока еще не исчерпавшая себя;

— глобализация, в рамках которой отдельными строками также читаются:

- национализм меньшинств;
- растущий новый классовый антагонизм;
- смена/подмена идентичностей;
- права человека и индивидуализм.

Разберем все эти угрозы по пунктам.

О постмодернизме

Авторы с ходу задают жестко однозначный тон: «Постмодернисты — это сознательные сторонники постмодернизма, а постмодерн — это та культурная атмосфера, интеллектуально-информационная “аура”, в которую погружены все обитатели Запада, вне зависимости от их предпочтений и сфер социально-практической активности» (с. 182).

То есть надо понимать так: постмодернизм — попросту образ жизни и мысли современной мировой элиты, диктующей его остальному миру, а все прочие при сем присутствующие — постмодернисты поневоле.

Почему постмодернизм, овладевший глобальной элитой и втягивающий высшие «продвинутые» слои интеллектуалов всех стран в свою орбиту, враждебен национализму? По причинам наиболее глубоким — психологическим.

Во-первых, потому, что «исключительное значение для постмодерна имеют критика и отказ от “целостностей” любого рода. Методологические идеи “единого”, “тождества”, “общего” всегда, пусть даже в самых отдаленных последствиях, предполагают насилие и тоталитарные претензии.

Следовательно, на их место должны прийти идеи “различия”, “особенного” и “нетождества”. Из этого вытекает принципиальный плюрализм культуры постмодерна» (с. 189).

В свою очередь, «плюрализация современной культуры оказывается коррелятом характерной для постмодернизма стратегии децентрации, т.е. отказа от поиска центральных несущих элементов в тех или иных знаково-символических комбинациях и конструирования новых комбинаций без опоры на какие-либо “центры” или “ядра”» (там же). В том числе происходит тотальный отказ от любых «универсалистских претензий» (а национализм, безусловно, таков).

Во-вторых — потому, что в новейшей ситуации происходит «рост в культуре игрового начала... Свойственный модерну пафос серьезности, ответственности и последовательности исчезает; он замещается пропагандируемыми постмодернистами иронией, аффектом и спонтанностью»¹¹ (с. 190). Таким образом, партийная дисциплина и ответственность, героизм, жертвенность, преданность делу, без которых невозможен успех общественного (в т.ч. национального) движения, теряют в массах интеллигенции актуальность, девальвируют — или превращаются в элемент шоу.

Авторы справедливо задаются хорошим вопросом: «Какие формы национализма оказываются как бы соответствующими, конгениальными самому духу постмодерна, а какие ему противоположны?»¹² (с. 196).

¹¹ Готов свидетельствовать это как канцлер-инквизитор Ордена куртуазных маньеристов (1988–2003), известного полшутейного-полусерьезного объединения поэтов.

¹² Здесь не место подробно разбирать либеральный постмодернистский проект как таковой, но замечу попутно, что он имеет не только свои «узкие» (т.е. уязвимые в силу непродуманности) места, но и свою настоящую ахиллесову пята: это постмодернистская ан-

Ответ, предложенный ими, не показался мне адекватным. Они пишут, что в новую эпоху «под сомнение ставится сама возможность (разумеется, без применения массового насилия)¹³ и необходимость существования крупномасштабных политических сообществ старого типа, к которым относится и классическое национальное государство»¹⁴ (там же).

А посему якобы «национализм старого образца, апеллирующий к чувствам немцев, французов и итальянцев, уходит в прошлое. На его место приходит национализм нового типа — баварский, баскский, корсиканский, ломбардский. Если первый тип мы можем назвать большим, или макронационализмом, то последний является национализмом малого типа, или микронационализмом. При этом макронационализм в современной ситуации выступает в качестве консервативной реакции на политические и культурные проявления постмодерна, а микронационализм, изоморфный локалистским и маргинальным интенциям постмодерна, становится для последнего естественным союзником» (с. 197).

С этим выводом можно согласиться лишь частично, притом в той части, которая успешно опровергает целое. А именно: наблюдается невиданный и неслыханный повсеместный рост национализма, причем даже в таких мелких этнолокусах, о которых и думать-то всерьез было неприлично всего каких-то двести лет назад.

тропология, полагающая человечество единым родом, а различие культур — всего лишь случайностью, результатом атавизма или субъективного предпочтения. Оба тезиса неверны.

¹³ Почему «разумеется» и кто выставил такое условие, авторы не объясняют, хотя надо бы, т.к. оно не самоочевидно.

¹⁴ В эту парадигму легко ложится, скажем, национал-анархизм а-ля проф. П.М. Хомяков сотоварищи. Однако их неизбывная маргинальность ясно указывает на дефективность самой парадигмы.

А вот с псевдофактом убытия национализма у больших народов согласиться никак нельзя. Немецкий национализм, в частности, успешно возрождается и растет не по дням, а по часам; то же можно сказать о поднимающихся национализмах итальянском, швейцарском, испанском, франко-канадском и т.д., не говоря уж о русском¹⁵.

Что же касается французов, которых я люблю нежно и сострадательно, то тут перед нами действительно печальное исключение. Мне жаль их непереносимо, я остро ревную их славное прошлое к их настоящему угасанию. И я хорошо понимаю, что их путь к конечной гибели, увы, имеет умственное происхождение, он порожден фальшивой идеей «liberté, fraternité, égalité», за которую они, рассудку вопреки, продолжают цепляться, а в результате сажают на французский трон не своего национального лидера Ле Пена, а вашингтонского ставленника — венгерского еврея Саркози. Но... все дело в том, что у французов отродясь никакого национализма и не было. Был военно-государственный патриотизм, даже шовинизм — но не более того. А национализму и взяться было неоткуда, т.к. нацией французы никогда не были и стать так и не успели, да теперь уж, как видно, и не смогут. Так что их пример — исключение, подтверждающее правило.

Исходя из сказанного, я готов считать, что хотя эпоха постмодерна в целом не благоволит национализму, она не является слишком уж большой преградой для нас. Ниже я предложу свой ответ на ее вызовы. Главное: постмодерн не вечен и реакция на него не за горами.

Гораздо более серьезный противник для нас — глобализация.

О глобализации

Самое сильное место в книге — уничтожение и лишение национализма видов на будущее, производимое через апологию постмодерна и глобализации, верными адептами коих являются авторы. Основная идея соответствующего раздела в том, что ничего, мол, уж тут не поделаешь, против глобализации не попрешь, надо сдаваться на милость победителя, отказываясь от национального суверенитета (национального государства) ради включения в глобальную политэкономическую систему.

Авторы прекрасно разобрались в проблематике. Пожалуй, я еще не встречал более ясного и доходчивого изложения обеих доктрин, как глобалистской, так и постмодернистской. Но изложения, окрашенного в радужные тона, призванного внушить читателю сочувствие и восхищение. Все по известной из анекдота формуле: если где насилие неизбежно, расслабьтесь и получите максимум удовольствия. На языке авторов это звучит так: «Процессы десоверенизации национальных государств носят, главным образом, стихийный и вполне объективный характер» (с. 247).

Позиция стопроцентно капитулянтская, предназначенная дискредитировать самую идею национализма, выставить ее как ретроградную и вот уж почти реликтовую, воспринять которую положительно никоим образом не сможет современное просвещенное, «продвинутое» общество.

Чтобы убедить нас, авторы, так же как и в начале разговора о постмодерне, начинают с дефиниции глобализации (что глубоко верно методологически):

«Самое простое определение глобализации можно сформулировать следующим образом: это процесс объединения или интеграции человеческой деятельности в масштабах всего земного шара. При этом речь идет о возникновении принципиально нового структурного уровня социальной ре-

¹⁵ Соловей Валерий. Восстание этничности и судьба Запада. Новый тип конфликтности в современном мире // Политический класс. 2006. № 8.

альности, по отношению к которому классические, имеющие длительную историю социальные целостности (цивилизационные, конфессиональные, этнонациональные, классовые, профессиональные и т.д.) выступают в качестве реальностей более низкого, подчиненного структурного уровня... Глобализация представляет собой развертывающийся во многих измерениях (информационном, финансовом, социально-экономическом, демографическом, технологическом, военно-стратегическом и т.д.) процесс расширения и углубления устойчивых функциональных взаимосвязей между социальными акторами или субъектами разного типа и уровня вне зависимости от их географического местопребывания. Можно сказать, что глобализация стирает все и всяческие границы и как бы ликвидирует физическое пространство» (с. 227).

Как ни странно, авторы даже не задаются первоочередными, казалось бы, вопросами: нужно ли все это России и русским, благотворно или тлетворно все это для них? А если ненужно и тлетворно, то можно ли (и как) глобализации сопротивляться?

Но вся беда в том, что либеральное сознание вполне лояльно глобализации, ему не только комфортно, но и лестно сознавать себя пусть микро-, но актором «фатального» процесса. И это невзирая на то, что авторы прекрасно понимают: «У противников глобализации, в том числе у сторонников экономического национализма, появляются основания говорить об “антинациональном” или “антинародном” характере политики, проводимой правительствами» в глобализационном русле, когда «современное государство все чаще вынуждено действовать в интересах транснациональных корпораций» (с. 241–242).

Не слаще для народов и прогрессирующая «культурная плюрализация», и демографический крах белых народов, сопровождающийся их «обратной

колонизацией», иммиграционным бумом и возникновением в Европе чужеродных этнокультурных анклавов и др. и пр.

Между тем невооруженным глазом видно, что последствия глобализации отчетливо губительны в первую очередь для лидеров данного процесса, но не щадят при этом и его периферийных участников, будь то сфера экономики, культуры, морали, демографии и т.д. Не отвлекаясь на эту огромную специальную тему, возьму в рассмотрение лишь те ее аспекты, которые непосредственно пересекаются с судьбой национализма¹⁶.

Национализм меньшинств

Никак не аргументируя, авторы выдвигают постулат: «В складывающихся условиях <глобализация плюс постмодерн> политики любого толка вынуждены обращаться к идеям этнического и расового плюрализма и мультикультурализма». Мне лично кажется сильно преувеличенным императивный характер этого предположения, но допустим, что это так, судя по реальному поведению многих глав государств.

К чему ведет такая практика?

К эскалации национализма меньшинств, с одной стороны, и к редукции национализма большинства — с другой. Положение последних все больше напоминает популярный русский лубок «Охотник медведя колет, а собаки грызут», где в роли охотника — макропартнер (глобализм а-ля США, Запад), в роли собак — многие микропартнеры (национальные меньшинства типа басков, цейлонских тамилы, чеченцы и пр.), а в роли медведя, само собой,

¹⁶ Данная тема мне профессионально близка. Могу порекомендовать читателю написанную по материалам моих университетских лекций статью: *Севастьянов Александр*. Глобализация и интересы России. Как нам выжить в ситуации транзита глобальных проектов // Политический класс. 2006. № 8.

национализм большинства, к примеру — русского.

Авторы излагают идею лубка более академически: «Главное для нас — это зафиксировать фундаментальное различие и антагонизм политических стратегий макро- и микронационализма в контексте глобализации. Если первый выступает ее естественным оппонентом и противником, поскольку стремится сохранить наличные государства-нации, то второй чаще всего является ее сторонником и в меру своих сил защитником, поскольку стремится подорвать сложившиеся “большие” нации снизу» (с. 252).

Трудно переоценить мобилизующую действенность подобных утверждений для нас, макронационалистов. (Если вернуться к лубочной метафоре, то просто лапы чешутся!) Шутки шутками, но жизненная необходимость противодействовать как глобализации, так и микронационалистам представляется совершенно наглядной и неоспоримой. Если, конечно, русский народ еще не потерял, по примеру некоторых народов Запада, волю к жизни.

Растущий классовый антагонизм

Глобализация и постмодерн, триумфально шагая по планете, не принесли изменений к лучшему в страны, включившиеся в эту «игру по правилам». В частности, в России следование чужим правилам привело к обнищанию и утрате перспектив для абсолютного большинства, что, в частности, и заставило наших авторов признать крах либерального проекта.

Формирование нового общества по лекалам капиталистической формации, сопровождающееся усиленным расслоением по имущественному признаку, резко отрицательно сказывается на национальной солидарности русского народа.

В более общем виде данная коллизия уже была рассмотрена мною на страницах предыдущего номера «ВН».

Основная идея такова: «Классовая борьба в силах взорвать национально однородное общество. Поэтому, чтобы сплотить этнос, нужно заставить его забыть о классовом антагонизме. Битва этносов зачастую раздирает и тиранит страны, даже сумевшие погасить социальные конфликты. Поэтому, чтобы объединить класс, нужно заставить его забыть о существовании внутри него разных этносов с их порой противоречивыми интересами».

Думаю, эта незамысловатая истина так или иначе осознается и нашими авторами. Не потому ли они так подробно и тщательно воспроизвели этнополитическую концепцию, разработанную профессором Гумбольдтского университета (Берлин) Клаусом Оффе, в особенности сосредоточившись на разделе «Средства предотвращения этнополитики», а среди этих средств заострив внимание на «классовой политике»?

Суть рекомендуемого средства по-немецки проста, надежна и бесчеловечна: «Эволюционный путь, способный вывести из тупика этнополитики, может заключаться в постепенном изменении политической повестки дня или формировании *классовой политики*. Основные составляющие этого пути — приватизация собственности, либерализация цен, маркетингование рабочей силы и в конечном счете экономический рост. “Выгоды, которые получают при движении в данном направлении немногие, и относительные потери и утрата уверенности в завтрашнем дне, которые падают на долю большинства, могут способствовать изменению структуры конфликта, поскольку при таком повороте событий объединение, строящееся по профессиональным, отраслевым и классовым признакам, станет более насущно необходимым и актуальным, чем объединение, основанное на этнических различиях”» (с. 302).

Что ж, похоже, авторы с помощью умного немца нащупали нашу ахилле-

сову пяту. По крайней мере мы сегодня наблюдаем развитие событий почти в точности по вышеописанной схеме. Нет только одного из обещанных элементов — экономического роста (и не предвидится), но это лишь усугубляет социальные противоречия, так как совсем отнимает у людей мотив терпения и стимул к классовому миру.

Однако мне сдается, что российская действительность в очередной раз опрокинет немецкие расчеты. Подвижка общественной борьбы из национального сектора в социальный приведет вовсе не к тому, что национализм как таковой в России заглохнет. Нет, но внутри русского национального движения максимально усилится не национал-демократическое, а национал-социалистическое крыло, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до его полной политической победы.

Не уверен, что такой результат придется по душе и утешит наших либеральных оппонентов. Скорее, жизнь заставит их крепко задуматься над тем, как обеспечить перевес русским национал-демократам.

Анти-Оккам, или Умножение идентичностей

Среди «средств предотвращения этнополитики», педантично разработанных Клаусом Оффе и блистательно изложенных Сидориной, одним из наиболее опасных для нас я считаю «увеличение числа идентичностей» (с. 301).

«Этот путь, — указывает Оффе, — заключается в изменении такого положения дел, когда принадлежность человека к определенной этнической группе составляет сущность его идентичности, чтобы перейти к ситуации многообразия идентичностей — в ней и сам человек, и другие люди, с которыми он связан, в зависимости от конкретных условий считают особо значимыми либо его свойства и качества как человеческого существа, либо его идентичность как члена национальной,

профессиональной, этнической или религиозной общности» (там же).

То есть: следует акцентировать, преувеличивать значение все новых общностей (конфессиональных, профессиональных, половых, возрастных и т.д.), чтобы среди них растворилась, затерялась, показалась менее важной — наиболее из всех важная, самая первичная, изначальная, наиглавнейшая: *национальная*.

И еще: следует выстраивать все новые и новые иерархии общностей, но только так, чтобы национальная не оказалась там, где ей положено быть, — на самом верху.

На нас, русских, это идейное оружие испытывалось многократно и зачастую с большим успехом, и продолжает испытываться. Вопреки знаменитому философскому принципу, известному как «бритва Оккама» и требующему не умножать сущностей, нам навязывали и навязывают то вовсе посторонние идентичности, то идентичности низшего порядка.

К примеру, нам предлагается подменить национальность — принадлежностью к цивилизации (христиане, православные, европейцы), расе (белые европеиды, арийцы, нордики), суперэтносу (славяне), согражданству (россияне), к пролетариям всех стран (было, было и такое!) и т.д. Благодаря Сидориной и Полянникову теперь мы можем с абсолютной уверенностью утверждать: все это злостный блеф, отравленное оружие враждебной пропаганды, контрмина под национализм — и ничего более.

Возьмем, для примера, наиболее часто употребляемые и наиболее опасные в наши дни суперэтническую (славянскую) и расовую (европеоидную) идентичности. Благо, предыдущие наиболее назойливые попытки подменить русскую национальную идентичность вначале православной, а затем российской идентичностями сегодня заметно ослабли и не имеют серьезных перспектив, что признают и наши авторы.

Принадлежность к нации, суперэтносу или расе — все имеют одну природу: биологическую. Именно поэтому подмену идентичностей на данном поле сотворить проще, чем на каком-либо ином. Тем более, что реальные опасности грозят и белой расе — от рас цветных, и славянам — от других суперэтносов, и русским — от других этносов. В мире идут зримые и незримые, объявленные и необъявленные войны рас, суперэтносов и этносов, это неопровержимый факт, легко устанавливаемый статистикой потерь и изменений демографических балансов. Для нас в этой связи главное — попасть именно на свою войну и не попасть на чужую.

Определиться со своей идентичностью — архиважно для любой личности. Но как это правильно сделать? Как установить критерии и приоритеты? Еще в первой своей политической книжке я дал на этот случай рецепт, нисколько, на мой взгляд, не устаревший:

«В конфликте (гипотетическом) между землянами и инопланетянами я однозначно займу сторону землян, какой бы расы они ни были. Потому, что я землянин.

В конфликте рас я займу сторону белой расы, невзирая на то, какими нациями она представлена. Потому, что я белый.

В конфликте наций я встану на сторону русских, какой бы социальный слой ни предстал в их лице. Потому, что я русский.

Однако я буду с русской интеллигенцией и верхними классами против русских рабочих и крестьян, случись у нас опять социальная война. Потому что я потомственный дворянин и интеллигент.

Вот и все.

Не дай бог, конечно, перепутать и в войне миров защищать, к примеру, только свою нацию. Это будет значить, что я просто идиот.

Но не дай бог перепутать и в другую сторону и в борьбе наций встать на по-

зиции «общечеловеческие»: это будет значить, что я такой же идиот, только с обратным знаком.

Сегодня Россия переживает последствия именно конфликта наций: русским нанесено тяжелое поражение. Это факт. Вызов брошен, и я знаю свое место в окопе»¹⁷.

В этом вся вечная суть дела: идентичность для личности определяется уровнем того конфликта, в котором она непосредственно участвует. Применительно к современному русскому человеку это в первую очередь этническая война, которую нам навязали и которую русские вынуждены, как обычно, вести на манер круговой обороны. Такова, видно, наша судьба.

Соответственно, наш выбор: я сначала русский — сын русского народа, и лишь потом гражданин России, славянин, православный, европеоид, пролетарий (интеллигент) и т.д. Или так: я сначала русский националист, а уж потом патриот, панславист, расист, христианский активист, монархист, социалист и проч.

О правах человека и об индивидуализме

Авторы хладнокровно фиксируют: «В эпоху глобализации национальное государство постепенно теряет все классические атрибуты собственного суверенитета. Оно уже не может не только проводить независимую экономическую политику, включая даже эмиссионную и бюджетную составляющие, но и защищать собственное культурно-информационное пространство и поддерживать высокий уровень национальной идентичности. Под флагом “прав человека” оно ограничено в своем, бывшем еще недавно исключительным, праве осуществлять юридический контроль над собственными гражданами» (с. 247).

Все так. Но почему бы не сделать

¹⁷ *Сеvastьянов Александр*. Национал-капитализм. М., 1995. С. 77.

напрашивающийся сам собою вывод о том, что общество нуждается в защите от личности никак не меньше, чем личность — от общества.¹⁸

Авторы внушают нам идею неотвратимости, фатальности происходящего: «В пространстве глобального политического дискурса ценности либеральной демократии и концепция “прав человека” постепенно, но неотвратимо вытесняют идеи “национального освобождения”, “исторической миссии государства”, “единства нации” и т.п.» (с. 249).

Допустим, что и это так. Но я не вижу оснований считать: 1) что это хорошо; 2) что это навсегда; 3) что этому бессмысленно противиться.

В коммунистической России маятник слишком долго удерживался у одной крайней точки, тоталитарной; сейчас он слишком задержался у противоположной, либеральной. Но не хватит ли с нас крайностей?! Нынешняя анархия, развал управления, казнокрадство, беспредел правоохранителей и вакханалия частных интересов, весь этот затянувшийся бунт животного эгоизма (политическая проекция философского индивидуализма) в России уже настолько осточертел всему обществу без исключения, что такой мощнейший русский архетип, как сильное авторитарное государство, вскоре может

оказаться востребован. Как оказался востребован Сталин после вакханалии НЭПа, как оказался востребован Гитлер после позорного разгула Веймарской республики... Соблазн принести права человека в жертву элементарному порядку в доме может оказаться непреодолимым.

Впрочем, вопрос о правах человека не так прост, как кажется.

Почему вообще возник этот вопрос, причем не когда-либо, а именно со второй половины XX века? Потому что в развитых обществах, в том числе в СССР, интеллигенция начала составлять весьма значительную часть населения¹⁹ и превратилась в новый отдельный класс, причем класс-гегемон. Этот класс стал во многом определять как микро-, так и макрополитику, внешнюю и внутреннюю, постепенно внедряя свои представления о должном в виде законов, соглашений, договоров и т.д.

Занимаясь со студенческой скамьи интеллигенцией как социолог, я могу ответственно заявить, что главным родовым свойством интеллигенции является индивидуализм, зачастую крайний. Отсюда вытекает ряд существенных следствий.

Второе важнейшее свойство — сугубое свободолюбие, вплоть до анархии. Но демократические свободы для интеллигента — не прихоть с жиру бесящегося барина, а естественная среда обитания, без которой он задыхается. Права человека для него — не отвлеченный идеал, а предмет первой необходимости.

Эти свойства интеллигенции определили политическое лицо развитых стран. Получив возможность радикально влиять на общественное мнение и власти предрержащие через СМИ, на-

¹⁸ С грустью наблюдая воочию «смерть Запада» (Бьюкенен), я пришел к мысли, что тамошние либералы, учтя опыт фашистов, проигравших из-за вопиющего этноэгоцентризма, прикрылись «общечеловеческими ценностями», «правами человека», как злодей — маской добряка. И одержали историческую победу в войне с коммунизмом на Западе и в России (купно со странами Варшавского Договора). Но случилось страшное: маска приросла — не отодрать. И теперь либералы, вместе с поверившими им народами, сами гибнут из-за этого, ибо не могут выдернуть из-под собственного основания негодный фундамент: права разрушающей обществу личности.

¹⁹ На излете 1980-х гг. люди умственного труда составили в СССР — 30%, в ФРГ — 35%, в США — 40% населения. Интеллигенция однозначно и прочно стала в авангарде общества всех развитых стран.

учную и общественную деятельность, институт экспертов и советников и т.д., интеллигенты развитых стран принялись переделывать мир «под себя», поставив в повестку дня волнующие их проблемы. И провели соответствующие решения, в т.ч. на международном уровне. Даже тоталитарный, но тоже высокоразвитый СССР вынужденно к ним присоединился, ибо уже не мог явно идти против господствующего общественного мнения (читай: интеллигенции)!

Как сочетать интеллигентский психотип с национализмом? Это не так-то легко. Ведь это означает, в известном смысле, сочетание в принципе несочетаемого: индивидуализма (приоритет индивида, личности) — с холизмом (приоритет общности, целокупности). А если образчик покажется неудачным, неубедительным? Тогда любой, а особенно русский интеллигент воспротивится и скажет: вчера меня пытались подчинить диктату класса и государства, сегодня — диктату нации. Хрен редьки не слаще. Чума на оба ваши дома! Не хочу!

Как его переубедить?

На самом деле в этом нет ничего невозможного. Надо только твердо условиться: Русское национальное государство (РНГ) есть государство, во-первых, национал-демократическое, признающее (для своих) все права человека, а во-вторых — сугубо технократическое. Беспредельно расширяющее права, свободы, творческие и карьерные возможности именно и специально национальной интеллигенции как сословия — всех в целом и каждого в отдельности. РНГ — не классовое, а национальное государство, но первой среди равных в нем будет, разумеется, русская интеллигенция, во всем задающая тон.

Такая задача и впрямь стоит перед нами в реальности, если мы хотим, чтобы РНГ выжило и выиграло в конкурентной борьбе. Так что перед нами не лукавая агитация с темной задней

мыслью, а политический императив, который русский националист должен осознать сам и разъяснить всем прочим «мыслящим тростинкам».

Нам, национал-демократам, это не составит труда. А вот национал-социалистам это вряд ли по плечу в принципе. Но это уже не наши сложности.

Есть и второй рычаг, позволяющий русским националистам положительно воздействовать на интеллигенцию: это правозащитный аспект, будоражащий нравственную матрицу типового русского интеллигента. Те самые права человека, которые обычно пытаются повернуть против нас. Ведь русский народ сегодня, перефразируя Радищева, в законе мертв, показательно неполноправен. Простой вопрос: как русскому народу осуществить свое бесспорное, неотъемлемое и международно общепризнанное право на самоопределение? Честный, хотя бы перед самим собой, интеллигент, однажды задумавшись над этим и подобными вопросами, уже не бросит камень в борца за права и интересы русских.

Антидот

Пессимизм, дефицит веры в себя — это не для нас.

И Кощя с Бабой-ягой (постмодернизма с глобализацией) мы не боимся. У нас есть против них сильное оружие: их собственная слабость.

Допустим немного теории. Конечно, если мерить ситуацию только мерой жизни человека, то можно и отчаяться — куда мы катимся, в самом деле? Но!

1. В рамках Большого Времени, если применить диалектику, Модерн выступает как холистский (коллективистский) тезис, а Постмодерн — как индивидуалистский антитезис. А это означает, между прочим, — вспомним гегелевскую триаду! — что на очереди синтезис. Таков диалектический закон человеческого мышления, осмысления жизни.

Следовательно, установки тезиса обязательно будут реабилитированы и уравниены в правах с установками анти-тезиса. Диктат холизма, разрушающий личность, покажется не страшной разгула индивидуализма, разрушающего общество и мир. Статья вторая российской Конституции, провозглашающая человека, его права и свободы — высшей ценностью, покажется до смешного неполной и глупой без уравнивающей ее статьи о правах нации.

Такова безупречная логика развития идей. На этой неизбежной волне частичного возврата к ценностям коллективизма националисты легко придут во власть.

2. Если бы национализм апеллировал только к идеям и идеалам, его песенку можно было бы считать спетой, теряющей актуальность и действенность в психологической атмосфере Постмодерна. Но в том-то все и дело, что мы давно перенесли главный акцент с идей и идеалов на права и интересы русского человека — и русского народа как единственного надежного гаранта этих частных прав. А практика показывает: когда заходит речь о правах и интересах, даже самые крутые корифеи постмодернизма превращаются в дрессированных львов, мгновенно расставаясь с иронией и пофигизмом.

3. Рост в культуре и политике игрового начала — вовсе не препятствие для нас, а лишь сигнал к перемене тактики. Хватит дуться и грозно хмурить брови! Мы возьмем власть играючи, весело.

4. Массы по-прежнему не читают умных книжек (даже Сидорину с Полянниковым) и живут не головой, а инстинктами и аффектами. Среди которых национальные — наисильнейшие. Этим все сказано. Инстинкт пробьет себе дорогу сквозь все культурные загоны!

5. Авторы совершенно верно указали, что с точки зрения постмодернизма «мир всегда был разнороден и противоречив, и лишь универсалистские претензии проекта Просвещения,

подкрепленные безудержным насилием, породили иллюзию его единства» (с. 189). Но они, возможно, не оценили обоюдоострость сего постулата: обращенный одной своей стороной против универсалии национализма, другой стороной он с такой же убедительностью обращается против еще более масштабной универсалии глобализма, включая миф о едином человечестве. И тем самым добавляет в противостоянии глобализма и национализма шансов последнему. Такова диалектика.

Уж коли и вправду «основной пафос постмодернистского отношения к культуре состоит в отрицании “метанарративов”, т.е. каких-либо самодостаточных, претендующих на универсальную значимость идеологических построений или культурных образцов» (с. 353), то в этом случае сочинениям типа «Великой шахматной доски» Бжезинского место не на рабочем столе, а в мусорной корзине политолога.

В свете учения о Постмодерне (эффект особенно ценен, поскольку авторы на него явно не рассчитывали) мы можем заключить: судьба глобализации а-ля США и либерального проекта зависит всецело от того, уверуем ли мы в их непобедимость и сложим ли оружие, как это некогда сделал малоумный Горбачев. Позволим ли мы себя убедить? По-видимому, Сидорина и Полянников искренне веруют сами и других к тому склоняют. Но мы — стреляные волки, и нас в эту ловушку не поймать.

Глобализм и национализм — две стороны единого всемирного диалектического процесса, и шансы их как минимум равны. А коль скоро в подобных ситуациях все решает маленький субъективный фактор — то вот они мы.

Иностранцы в своей стране

Рассказав читателю о важных достоинствах учебника по теории и политической истории национализма, в том числе о его «полезных вредностях», я должен указать и на недостатки.

Из них важнейших два: 1) погруженность не в отечественную, а в западную научную традицию, принадлежность к ней; 2) как следствие — беда с дефинициями и вообще теоретическим фундаментом. Прекрасная осведомленность в области западных политологических и социологических штудий отнюдь не обеспечивает верное понимание предмета. Для российского обществоведения это хроническое состояние, увы.

Самые большие aberrации, связанные с названными недостатками, возникают, во-первых, при оценке современного русского национализма, русского движения, а во-вторых — при рассказе о базовых понятиях: нации, национализме и т.д. Вольно или невольно авторы оказываются в плену доминирующих западных теорий, в первую очередь — конструктивизма, находящегося в конфликте с отечественной научной традицией (аномалии типа В. Тишкова, Л. Ионина или В. Малахова не в счет). Их рассказ о нас — представления «иностранцев в своей стране», верящих не собственным глазам, а дурному путеводителю.

Попробую разъяснить свои претензии читателю.

Националисты, не патриоты

Самый слабый раздел книги посвящен проблемам национализма в СССР и России (с. 315–345). Он начинается главкой «Роль националистических движений в распаде СССР» и заканчивается главкой «“Национальный проект”: идеологические контуры». Нас больше волнует последняя тема, ведь каждому охота посмотретья в зеркало.

К сожалению, либеральное зеркало оказалось кривым. Причем изначально, что легко обнаруживается уже при знакомстве с источниками. Как только речь заходит о России, в ход идут, помимо западных исследований, довольно сомнительные авторитеты: В. Тишков, В. Малахов, Ф. Бобков, Р. Абдулатипов, Л. Гозман и пр.,

а наиболее животрепещущий (для нас) раздел и вовсе фундирован знатными грантоедомы, собирательно именуемыми «верховские-прибыловские». Недостатки их трудов объясняются просто: не будучи никогда допущены к внутренним обстоятельствам русского движения, грантоеды скрупулезно подбирают крохи информации из открытой печати и случайных текстов, а после искусно препарируют эти смысловые трупы, наводя им румяна и проч. При этом подлинно ценные аутентические свидетельства — листовки, газеты, журналы, книги, фильмы, Интернет, не говоря уж об архивах, используются ими редко и бесталанно. Что же можно выстроить на таком жиденьком информационном песочке? Можно сказать, адекватных источников по данному разделу у авторов просто нет. В результате в учебнике отразился такой вот гомункул:

«При различии взглядов и мнений по поводу частных вопросов, большинство сторонников современного русского национализма признают ключевыми элементами своей идеологии следующие позиции:

— *патриотизм* как признание высшей ценностью не блага “человечества в целом”, а процветание прежде всего своей Родины — России;

— *антизападничество*, или враждебное отношение к Западу (прежде всего — США), отрицание его культуры и политических ценностей;

— *империализм*, выражающийся в стремлении воссоединить с Россией бывшие союзные республики (если и не все, то по крайней мере славянские);

— *православный клерикализм*, или желание укрепить в обществе авторитет Русской Православной Церкви и усилить влияние православной иерархии на государственные дела;

— *милитаризм*, т.е. установка на возрождение России как “военной сверхдержавы”, отказ от политики разоружения и стремление к реставрации военно-промышленного комплекса;

— *авторитаризм* — неприятие либеральной демократии, любовь к “сильной власти” и “твердой руке”, надежда на харизматического вождя, намерение “установить в стране порядок и дисциплину”;

— *культурный монотилизм*, или критика индивидуализма и эгоизма, поощрение коллективизма (“соборность”), осуждение “безнравственности и распущенности” средств массовой информации;

— *ксенофобия* — недоверчивое и подозрительное отношение к “иностранцам”, людям других рас, наций и вероисповеданий, стремление ограничить въезд мигрантов в Россию, ущемить их правовой статус и, по возможности, вытеснить их из страны;

— *экономический дирижизм*, или требование широкого государственного вмешательства в экономику, национализация стратегических отраслей, стремление защитить отечественного производителя от конкуренции со стороны иностранцев, патерналистская социальная политика;

— *демографический пессимизм*, выражающийся в излишне мрачных, даже алармистских оценках демографических трендов (“депопуляция”), в страхе перед вырождением и исчезновением русского народа и стремлении противодействовать этому всеми возможными средствами» (с. 341–342).

Авторы ничтоже сумняшеся пишут: «Соответствующие идеологические положения выдвигались, обретали систематизированный характер и отливались в программную форму в ходе многочисленных дискуссий и споров, сопровождавших в 1980–1990-х гг. становление новейшего русского националистического движения». И утверждают даже: «Свод этих тезисов можно назвать *интегральной идеологической платформой современного русского национализма*» (там же).

Досадно, если студенты ВШЭ и другие наивные читатели станут судить о русских националистах по этому ис-

каженному портрету, который мало соответствовал действительности не только в год выхода книги, но даже уже к концу 1990-х. Как давний участник, а теперь и историк русского движения, должен заметить, что хотя подобный комплекс действительно можно вычленил из разнообразных документов указанной эпохи, но:

1) сей комплекс насквозь архаичен, будучи порождением советского православно-монархического подполья (своего рода диссидентов во диссидентах). Поэтому в начале перестройки он был мобилизован, за неимением лучшего, в качестве антитезы не постсоветскому, в котором еще предстояло разобраться, а именно свергнутому советскому режиму. И представляет собой лишь запоздалое эхо Гражданской войны, в сочетании с элементами иных антисоветских проектов, в т.ч. национал-социализма. К концу 1990-х такая программа полностью исчерпала свой позитивный потенциал. Обнажилась ее ретроградная внеположность современной социально-политической экзистенции. В наиболее чистом виде эта «отстойная», с современной точки зрения, парадигма воплощалась в политической фигуре Д.Д. Васильева и его «Памяти» (отчасти также отпочковавшегося от них А.П. Баркашева и РНЕ), но с ними же и сошла со сцены.

Несмотря на то что этот вчерашний день сравнительно недавно напомнил нам о себе в виде 900-страничной «Русской доктрины»²⁰, имя ему — отстой, а вовсе не современный русский национализм;

2) как ни прискорбно до конца ломать концепцию разбираемой книги, а приходится признать, что данный комплекс воззрений вообще мало общего имеет с национализмом как таковым, выражая вполне заурядную программу обычного российского (даже не

²⁰ Подробнейший разбор этой «доктрины» автором сих строк см. на сайте АПН (www.apn.ru).

русского) патриотизма. Что, скажете, среди всего перечисленного носит специфически русскую националистическую окраску? Поистине, ничто. О русском народе, русской нации в девяти пунктах из десяти — ни словечка, а в десятом лишь демографический трюизм, о котором не ведает и не вещает лишь человек из ниоткуда. И это — русский национализм?!

Конечно, хотя не каждый патриот — националист, зато практически каждый националист — патриот²¹, поэтому я насчитываю все же 50% совпадения в данном списке с периферией националистической парадигмы: патриотизм, антизападничество (тут есть разброс мнений), ксенофобию, экономический дирижизм, демографический пессимизм и отчасти культурный моностилизм (также разброс мнений). Однако именно несовпадающие 50% отличают современного националиста от патриота 1980-х²². А главное, реального националиста обозначает ряд ярких тезисов, вообще отсутствующих в списке. Перечислять и обсуждать их здесь не место, но нельзя не назвать основополагающий: *нация — первична, а государство — вторично* (что, собственно, и разводит националиста и патриота, думающего противоположным образом, на «благородное расстояние» уместной дуэли).

Все это приходится так подробно разъяснять только потому, что авторы, доверившись не заслуживающим доверия источникам, поленились лично проделать работу, вполне доступную их уму и квалификации. Написали же они сами в предыдущей главе: «Русский этнический национализм, которым СМИ пугали мировую общественность на протяжении последних

десяти-пятнадцать лет как неким воплощением “русского фашизма”, стал обретать реальные политические контуры только в последние четыре-пять лет». При этом многих ранее бывших представителей русского национализма авторы справедливо охарактеризовали как либо карикатурно-иронических, либо провокационных, либо невнятно-аморфных (с. 338). Все именно так и есть. Судя по тексту, отсчет реального национализма авторы начинают с 2001–2002 гг., когда создавались Национально-Державная партия России и Движение против нелегальной иммиграции. Если отбросить инкубационный период, с такой датировкой можно согласиться. Вот бы и занялись анализом этих и позднейших организаций! Но о них в книге даже не упоминается.

Мне могут возразить: так ведь то лишь этнический национализм! Но открою глаза оппоненту: другого и не бывает. Пусть меня упрекнут, дескать, этнический национализм — это тавтология, «масло масляное». Но как масло не может быть не масляным (иначе оно не масло), так и национализм не может не быть этническим. Впрочем, об этом много говорилось в другом месте²³.

Новаторы, не консерваторы

Авторы посвятили теме «Теории современного консерватизма и национализм в XX веке» особую главу, где есть раздел «Консервативная революция в России». Он содержит в себе уже знакомые нам недостатки, начиная с выбора источников. На сей раз в оракулы попал не только одиозный социолог А.Г. Вишневский (чьи демографические экзерсисы, призванные убедить всех в необходимости усиленного завоза цветных мигрантов, давно и заслуженно критикуются специалистами), но и

²¹ За исключением маргинальных национал-анархистов.

²² Радикальное размежевание русских патриотов и националистов произошло во второй половине 1990-х в ходе ряда ожесточенных дискуссий.

²³ *Севастьянов Александр*. Национализм как он есть. Дистилляция термина — единственный путь к «хорошему национализму» // Политический класс. 2008. № 8.

такие «учителя народа» из прошлого, как Иван Ильин, Николай Бердяев и совсем уж далекие от нас А.С. Хомяков, К.Н. Леонтьев, И.В. Киреевский и даже экс-террорист, а впоследствии христианский монархист Л.А. Тихомиров.

Всех этих политических философов роднит одно: они идейно оформляли, разумеется, никакой не русский национализм (это делали М.О. Меньшиков, П.И. Ковалевский, И.А. Родионов, В.В. Строганов и немногие другие, о которых наши авторы не знали или начисто забыли в книге о национализме)²⁴, а лишь патриотизм имперского толка. Их теории санкционировали уже завершённый к тому времени исторический период, но по иронии судьбы актуализировались в позднюю советскую эпоху, а по недоразумению — были приняты за санкцию будущего.

Более того: названные философы, исходя из моральных принципов христианства и имперских политических императивов, по-настоящему боролись (!) с русским национализмом, то клеймя его как чувство «низшего порядка», племенное (в устах Ильина и Тихомирова это едва ли не брань), то провозглашая его полную органическую несовместимость с русским менталитетом (Бердяев)²⁵. Чтобы не загромождать текст, ограничусь ссылкой на приводимый в книге абзац Ильина: «Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была

единосоставным, простым народным массивом и не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации и в то же время — органического и духовного единения» (с. 221). Эти слова любой полукровка (каковым Ильин и был), любой российский инородец-патриот готов твердить как мантру, как символ веры²⁶. Но — только не русский националист.

Выбор таких источников не только не продвинул к истине авторов и читателей, но и еще замутил и без того непросвещенные умы. Свидетельствую, что сегодня уважающие себя националисты не держат в своих предтечах когорту вышепоименованных лиц вкупе с другими идеологами империи и религиозными философами. Ибо весь этот «ветхий завет патриотизма» не способен никого мобилизовать на борьбу за Русское национальное государство.

Позволю себе с этих страниц уверить аудиторию, что трансформация русского национального движения примерно с 1990-х гг. набирает размах под знакомый припев: «Полюблю новатора, брошу консерватора». Ретроградная модель национализма, независимо от того, призывает ли она нас в день вчерашний (социализм любого сорта) или позавчерашний (православная монархия), все одно не имеет серьезных перспектив. Как и консерватизм вообще, какими бы ничего не значащими приставками (либеральный, динамический и пр.) он ни прикрывался.

Национализм — движение авангардное, устремленное в день завтрашний.

Танцевать надо от печки

Трудно надеяться на понимание аудитории, если с самого начала не до-

²⁴ Предтечи реального русского национализма, от которых отвернулись Сидорина и Полянников, описаны в кн.: *Коцюбинский Д.А. Русский национализм начала XX века*. М.: РОССПЭН, 1998; *Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917*. М.: РОССПЭН, 2003 и др.

²⁵ Невозможно не отметить в данной связи, что по кровному происхождению Ильин — наполовину немец, а Бердяев — на четверть француз.

²⁶ Недаром мы со всех экранов слышим постоянно лживые слова о России — «многонациональной и многоконфессиональной»: это злоумышление восходит к великодержавным космополитам начала XX в.

говориться с ней о терминах. В книге о национализме такими терминами являются как минимум два: *нация* и *национализм*. Однако, несмотря на то что одна из первых главок буквально так и называется, тщетно было бы искать в ней хоть каких-то дефиниций. Их просто нет.

Ошеломительный факт. Особенно для учебника, где все должно быть разложено по полочкам. Чем это объяснить? Разве что собственными постмодернистскими (читай: релятивистскими) убеждениями авторов, отлично демонстрирующих всю когнитивную беспомощность постмодернизма.

Попытку реабилитироваться авторы предпринимают ниже в разделе «Система понятий национализма», но делают там сплошные ошибки. Например, трактуют термин «суперэтнос» по Гумилеву, что антинаучно; не дифференцируют клан и племя, народ и народность (последнее старомодное понятие в отечественной науке не разработано, и авторы выдумывают его на ходу); правильно фиксируя разделение первобытных общин на кровнородственные и территориальные, почему-то записывают в первые роды, кланы и племена, а во-вторые — народности и нации, каковая новация целиком на их совести; а главное — так и не дают четкого определения нации, не договариваются с читателем о базовом словоупотреблении. Предопределяя этим избыточную вариативность прочтения книги, уничтожающую ее смысл как учебника.

Только на с. 35 появляется, наконец, со ссылкой на В. Коротееву, такое определение национализма: «Национализм... это комплекс идеологических представлений и политической практики, в котором центральное место занимают интересы нации». Сведение природного феномена (исходного явления) к идеологии (производному от него, отраженному в сознании последствием) — типичная

ошибка метода²⁷, но другого в учебнике не дано. Напротив, эта мысль настойчиво повторяется в разных вариантах, в специально подобранных цитатах из авторов-конструктивистов, с таким расчетом, чтобы в умах студентов закрепились: национализм-де есть отвлеченное явление умственной жизни, не более того. Выдумка, одним словом (как и сами нации).

В то же время общепризнанное могущество национализма обусловлено именно тем, что он апеллирует к глубинным инстинктам и аффектам, а вовсе не к обслуживающему их рассудку. Наличие в жизни нерелефлексивного, органического национализма, как и национализма латентного, совершенно несознательного, «дремлющего», но вдруг «просыпающегося» под воздействием отнюдь не умных речей, а бытовых обстоятельств, ясно указывает на его природное происхождение. А значит, и определять национализм следует через чувства и инстинкты.

Такой подход для авторов-либералов в принципе неприменим, поэтому они в лучших конструктивистских традициях формулируют, наконец, от себя итоговую дефиницию: «Политический национализм представляет собой идеологию, утверждающую приоритетный статус национальной идентичности над всеми другими видами социальной идентификации и требующую защищать “нацию” всеми доступными политическими средствами» (с. 44). Старые грабли... Удивительно, что авторы при этом понимают и признают, что «национализм в сопоставлении с другими идеологиями представляет огромный интерес для миллионов людей, побуждающий их нередко жертвовать всем, даже своей жизнью» (с. 50). Казалось бы, такое понимание должно бы подтолкнуть к обнаружению в национализме одного из базовых инстинктов

²⁷ Ср. вузовское учебное пособие В. Малахова «Национализм как политическая идеология».

(ведь за пустые слова никто жизнь не положит), а вот поди ж ты...

Справочный аппарат книги ясно показывает внеположность авторов тем терминологическим дискуссиям, которые проходили в отечественной науке, и их незнакомство с трудами ведущих наших этнологов и антропологов²⁸. Это помогает им решить задачу политического толка: изъять из критериев нации — общность происхождения, а из типологической системы наций — этнонацию (с. 29–33). Но такие задачи не решаются путем замалчивания оппонентов, а для реальной дискуссии авторы оказываются не готовы.

Конструктивизм — идеализм от антропологии

Авторы не случайно пытаются вместо внятных дефиниций предложить читателю запутывающий суть дела обзор различных подходов к теме. Цель: заменить определенность — неопределенностью, вариативностью. Скажу об этом несколько слов²⁹.

В главе «Основные характеристики культуры постмодерна» авторы подметили: «Даже естественные науки эпохи постмодерна стремятся дополнить классические объективирующие интерпретации основным принципом гуманитарных наук — поиском и пониманием проявлений сознания» (с. 193).

В переводе на русский язык это меткое наблюдение означает следующее. В западной научной традиции настала эпоха полного торжества и разгула субъективного идеализма. Первой под его натиском сдалась гуманитарная наука, давно превратившаяся из науки знаний и установленных фактов — в науку зыбких мнений. Вместо того чтобы изучать объект и его объективные

характеристики, западные мыслители (назвать их учеными язык не поворачивается) предпочитают изучать разнообразные отражения этого объекта в человеческом сознании, индивидуальном и массовом. Что ведет не только к неизбежной утрате, в конечном счете, самого объекта, но и к рефлексии второго порядка, в результате чего западная «наука» все чаще предстает как «отражение отражений» и «мнение о мнениях». Что априори дефективно и даже порочно, ибо человеческое сознание — кривоватое зеркало, о чем предупреждал еще Иммануил Кант.

В итоге суть вещей, как минимум дважды искаженная, ускользает безнадежно, типичным примером чему служит все учение конструктивизма от корифеев Б. Андерсона и Э. Геллнера до эпигонов В. Тишкова и А. Ионина. Если и впрямь вслед гуманитарным наукам сегодня в том же направлении двинулись естественные (а до сих пор расология, антропология и этнология к ним относились) — как тут не впасть в уныние?

Посмотрим, к чему ведет такой подход в нашем вопросе.

Рыцари печального образа мысли, наши авторы откровенны: «Чтобы правильно понять причины подъема национализма в современной Европе и России, необходимо более широко рассмотреть концепции национализма, выработанные в западной литературе» (с. 40). После сказанного выше ясно, что тем самым они обрекают аудиторию на полное непонимание предмета и в итоге на релятивистское его восприятие: «А может быть, ворона, а может быть, собака, а может быть, корова...» и т.д.

И вот, перейдя к типологии национализма, авторы прямо-таки бросаются в объятия конструктивистов, цитируя их одного за другим: Э. Ренан (известный своей шизофренической формулой «нация — это ежедневный плебисцит», которая стала главным слоганом конструктивизма), Э. Гел-

²⁸ Отсутствие ссылок на труды Ю.В. Бромлея, А.И. Элеза и др. чувствительно сказалось на содержании.

²⁹ Тема «Нищета идеализма в этнологии, антропологии и расологии» давно просится в отдельную статью.

лнер, В. Тишков, Л. Ионин, Э. Хобсбаум, В. Малахов, Б. Андерсон и др. Увы, увлекательное изложение теорий национализма не сопровождается критическим анализом. Не хочется думать, что это вызвано неспособностью мыслить самостоятельно и/или оцепенением перед авторитетами; скорее — плохим знанием самого объекта как такового, невключенностью в его внутренние обстоятельства. Однако обзор, даже безумно интересный и содержательный, не может заменить, особенно в учебнике, четких итоговых дефиниций, схем и классификаций. На что конструктивизм не способен в принципе, онтологически. В результате студенты (и мы с ними) до конца учебника так и не узнаем ответа на самый простой и самый необходимый вопрос: что же такое нация?

Какие знания вынесет студент из такого учебника? Что останется в его голове от этого пышного парада? Что есть разные идеи нации, но нет самой нации как таковой. И что существует множество подходов к теме национализма — только и всего. Как ему с этими риторическими финтифантами в руках определять свою жизненную позицию, вести идейные диспуты? Багажа как такового нет, в чемодане пусто...

* * *

Подводя черту под кратким по необходимости конспектом своих впечатлений от учебника Сидориной и Поляникова, должен поблагодарить авторов за несколько часов интеллектуального удовольствия и нравственного и политического волнения. Но при этом заметить, что нам, русским националистам, пришло, видимо, время самим задуматься над составлением учебников. Как по истории нашего движения (хватит кормить недобросовестных грантоедов), так и по теории национализма. Один из таких учебников для вузов под названием «Этнополитика» сейчас в работе у автора этих строк.

II. НОВЫЕ МЕХИ ДЛЯ НОВОГО ВИНА

Сергеев Сергей. Пришествие нации? Книга статей. М.: Скимень, 2010. — 304 с.

Наши непосредственные ближние — не «бедные всего мира» и не европейские «белые братья», а рядом живущие русские люди.

С. Сергеев

В русском движении намечился важный поворот, которого мне лично пришлось ждать долго — добрых пятнадцать лет. Он совершался незаметно, постепенно, но необратимо. И вот теперь мы можем взять в руки несомненное свидетельство совершившегося — небольшой томик: сборник статей историка, докторанта МПГУ Сергея Сергеева «Пришествие нации?». Почему такое невзрачное на первый взгляд событие (мало ли книг выходит ежедневно, в том числе по русской тематике) я считаю рубежным?

Во-первых, потому что сам автор биографически соотносим с русским движением, синхронен ему: он вываривался в толще движения с начала 1990-х, жил его надеждами и иллюзиями, болел его болезнями, функционировал как его частица, словом — был, что называется, в системе. Именно поэтому тотальная ревизия классического идейного наследия, предпринятая Сергеевым, есть не вызов одиночки, а симптом состояния системы как таковой³⁰.

³⁰ В опорном для традиционалистов журнале «Москва», где Сергеев долгие годы работал, а с 2008 по 2010 г. был главным редактором, на мое имя и творчество, по его собственному признанию, было наложено жесткое табу. Тем важнее было обнаружить почти полный свод своих заветных тезисов под обложкой новой книги (правда, при этом фигура умолчания перешла и в сборник). Такая трещина в стене дорогого стоит. Мне морально непросто анализировать книгу Сер-

Во-вторых, потому что выросший в общем контексте движения Сергеев, благодаря природным способностям и профессиональному ревнованию историка, далеко обогнал движение в развитии и получил способность судить о нем не свысока (ибо сам таким был), но с высоты новых умственных достижений и открывшихся интеллектуальных далей. Он, будем надеяться, останется *своим* для большинства вчерашних единомышленников (хотя уже расплатился за «ересь» редакторским креслом в журнале «Москва»), а значит, послужит примером, маяком. Его авторитетное слово поведет многих и многих к свежим идеям. А его переход из слабого сектора традиционалистов-консерваторов в набирающий силу сектор новых единомышленников авангардного склада серьезно усилит наши позиции.

В-третьих... Но для того чтобы сформулировать это «в-третьих», надо обратиться к текстам.

Внебольшую книгу вместились очень много мысли. Упрощая, я бы выделил три направления: 1) полемика (как со «своими» — русскими национал-патриотами, так и с «чужаками» — либералами, конструктивистами и др.); 2) теоретические опыты о нации и национализме; 3) эссе на темы культуры и биографические очерки. Этот третий раздел не требует специального анализа, поэтому сосредоточусь на первых двух.

Десять «заповедей» Сергеева

Сразу оговорюсь, что вся книга в целом очень обаятельна — обаянием высокой профессиональной и общей культуры и непритворной русской интеллигентской интонации (тон рас-

суживается, поскольку по очень многим вопросам, им поднимаемым, мною были опубликованы ранее статьи в центральной печати и даже книги. В чем-то (основном) наши позиции совпадают, а в чем-то — нет, но я старался судить непредвзято.

судительный, деликатный и самоироничный). Главное достоинство: автор поразительно много прочел в своей жизни, причем в самых разных сферах и — с пониманием, что важно. Если филологи, знающие историю, — не редкость, ибо литературу иначе не понять, то историки, знающие литературу, как Сергеев³¹, единичны (я лично, кроме Н. Эйдельмана, с такими и не был знаком). Отсюда не только уместное цитирование широкого круга авторов XIX–XX вв., но и хороший язык, чувство стиля, общая филологическая и библиографическая культура. Книгу приятно читать, она возвышает не только до политических, но и до важных философских проблем.

Основная проблема самой книги, однако, имеет более прикладной характер. Хотя автор позиционируется как архитрадиционалист, «для которого традиция — не экзотическое блюдо, а экзистенциальный центр бытия» (с. 38), на деле он внимательно пересматривает одну за другой все, так сказать, несущие конструкции русского традиционализма и не оставляет от них камня на камне. И что с того, если он причисляет их не к традиционализму, а к «политически бесплодному» консерватизму? Игра в слова не обманет вдумчивого читателя: перед нами давно чаемый русский бунт, осмысленный и беспощадный, ибо это бунт завтрашнего дня против дня вчерашнего³².

Против чего взбунтовался историк и русский националист Сергей Сергеев.

1. Против знаменитой уваровской триады «православие — самодержа-

³¹ И, попутно замечу, кино, отечественное и мировое.

³² О многом говорят одни даже заглавия разделов, глав и главков: «Ревизия славянофильства», «Ревизия аксиом», «Русский традиционализм: переоценка ценностей». Ключевые слова — *ревизия, переоценка* — свидетельство главного направления мысли ученого. «Работа над ошибками» отняла у него более десяти лет, но дело того стоило.

вие — народность», считавшейся провиденциальной формулой России лет эдак более полутора и остающейся краеугольным камнем для национал-патриотов «первой волны»³³. Автор предлагает тотальный размен: православия (правда, сохранив его как «ядро») — на русскую классическую культуру; самодержавия — на просто сильную государственность; народности — на русский национализм (с. 40). Комментарии излишни, кроме одного. Отвечая своим критикам, Сергеев, задетый упреком в «отказе от Православия», выдвигает контраргумент: «создание атмосферы подлинного и деятельного братства внутри русского общества — чем не великая христианская задача?». О, не просто великая — величайшая! Вот только — не христианская: «ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших» (Лк, 6, 34–35).

2. Против классической русской философии, в том числе религиозной, которой Сергеев без обиняков выдает блестящее резюме: «В том-то и состоит главный “грех” русской религиозной философии, что она слишком мало анализировала эмпирическую действительность, предпочитая предаваться мечтам и фантазиям. В результате у нас отсутствуют подлинно значительные национальные социологические и политологические школы, на которые мы могли бы методологически опереться, зато имеется гигантский пласт

талантливой и увлекательной национальной мифологии» (с. 56). Если добавить сюда достойную сборника избранных афоризмов сентенцию: «1917 год — это Страшный суд над русской религиозной философией» (с. 96), то тему можно считать закрытой;

3. Против мистицизма и клерикализма: «Русские сегодня нуждаются не в самоотречении во имя немыслимых мистических идеалов, а в здоровом национальном эгоизме, здоровой национальной демократии, здоровом национальном либерализме» (с. 98–99); «Обилие людей в храмах (кстати, далеко не во всех, если брать масштаб России в целом) еще не есть общественное событие, а пока только внутрицерковное... Церковь теоретически могла бы возглавить подъем русского национализма, способствуя необходимому сегодня самоструктурированию русской нации через систему приходов и братств, но и те, и другие до сих пор имеют только внутрицерковное значение» (с. 57).

4. Против самой, может быть, страшной нашей «заразы»³⁴ — извечной русской жертвенности и мессианства. Полемизируя с о. Александром Шумским, Сергеев пишет:

«Нация как целое, конечно, не только может, но и обязана жить исключительно для себя, в противном случае она будет жить для других народов (например, для тех, представители которых ведут себя в отношении русских на исконно русской территории как завоеватели — см. книгу Д. Соколова-Митрича “Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики”). Если это и есть жертвенность, о которой говорит священник Шумский, то ее я, конечно, уразуметь и принять не смогу, на мой взгляд, это просто мазохизм и национальное самоунижение. Но и мой уважаемый оппонент против того, чтобы русские были народом-донором,

³³ Классификация Сергеева: «Прочерчу схему трех волн. “Русизм” 60–80-х ставил во главу угла русский вопрос и решал его, опираясь на восхищенно открываемую в те годы русскую религиозную философию. “Евразийство” 90-х растворяло русский вопрос в лево-правой имперскости, используя те или иные актуальные концепции социально-политического знания. “Русизм” 2000-х вернулся к русскому вопросу как центральному, переняв и приумножив аналитический инструментарий предыдущей волны» (с. 249–250).

³⁴ Термин XVIII века, означает: «рана», «ущерб» (от глагола «разить»).

народом-подстилкой. Так к какой жертвенности тогда он призывает не отдельного русского человека, а русский народ в целом? Решительно непонятно. Все это, по-моему, отголоски русского мистического романтизма XIX — начала XX века, от Чаадаева до Евгения Трубецкого с его сентиментальной мечтательностью, с неумным желанием все время спасти какие-то другие народы, а то и весь мир, жертвовать Россией ради постоянно меняющихся интеллигентских химер» (с. 54).

Как профессионал-историк, специализировавшийся на славянофильстве, Сергеев знает и верно указывает, где зарыта собака:

«На пути к синтезу русской национальной мысли необходимо преодолеть слабости как западничества, так и славянофильства. В первую очередь нужно окончательно изжить общий для обоих направлений *утопизм*... Западнический утопизм заключается в идеализации Европы... Славянофильский утопизм грешил переоценкой политического и духовного могущества России и предлагал ей уж слишком невероятно головокружительные мировые миссии... Варианты отличались разнообразием, но суть их сводилась к одному: Россия обязательно должна кого-то спасать. Минимум — Европу, максимум — человечество. Нет сомнений, что это настроение явилось одним из источников революционного мессианизма советской эпохи... глубоко трагический опыт которой, казалось, навсегда излечил нас от глобально-мировых мечтаний. Но, как ни странно, мессианские настроения до сих пор бродят в некоторых патриотических головах» (с. 83–84).

Сергеев выборочно приводит в пример несколько русских неомессианских утопий и метким выстрелом приземляет их все разом: «Почему мессианисты-антиглобалисты уверены, что Россия поддержит их смелые дерзания? Насколько известно, все социологические опросы констатируют

практически нулевой уровень мессианских настроений в нашем обществе. Боюсь, трубадуры ВВП (Великого Всечеловеческого Подвига) “страшно далеки от народа”... Политика России обязана реализовывать не мессианские грезы запоздало романтических интеллектуалов, а прагматические интересы нашего народа, который по абсолютно верному, на мой взгляд, наблюдению Валерия Соловья, “впервые в своей истории хочет жить для себя, а не для других”. И нельзя не признать, что в целом это желание — вполне нормальная и здоровая реакция на то катастрофическое состояние, в котором русские оказались» (с. 86–87).

Провозглашая подобные истины с середины 1990-х, я был подвергнут остракизму почти во всех русских национал-патриотических кружках³⁵. Тем отраднее видеть, что здоровый прагматизм сегодня объединяет интеллектуальную верхушку Движения.

Сергеев совершенно верно резюмирует: миф об особом пути России (в чаадаевско-соловьевском смысле) «давно уже изжит нашим обществом... Все социологические опросы, да и сами общественные практики фиксируют практически нулевой уровень мессианских настроений среди русских, особенно молодых поколений. Они не хотят спасать или обновлять мир, они хотят наконец-то просто обустроить свой дом» (с. 98–99).

Я так подробно остановился именно на данном пункте ввиду его чрезвычайной актуальности, первостепенной важности.

5. Против фантома коллективизма, который в России — государственный, а не общинный — дьявольская

³⁵ Какую бурю негодования в среде, казалось бы, единомышленников вызвал такой, например, мой тезис: «Нужно ясно понимать: вообще любой глобализационный проект, включая наши собственные, гибелен сегодня для русского народа» (Политическая программа РНОД, 2002).

разница!»; но также, заодно, и **общинности**: «Есть очень серьезные основания полагать, что и крестьянская община — “священная корова” славянофилов и их незаконных детей народников — также является результатом целенаправленной политики Москвы и Петербурга. Во всяком случае, общинное самоуправление было точно придумано графом П.Д. Киселевым в ходе реформы быта государственных крестьян 1830–1840-х годов, а затем взято за образец и для бывших крепостных. Не мифическая община создавала в России армию и флот, заводы и ярмарки, университеты и больницы, театры и монументы — а государство, причем именно петербургское, “западническое” государство (при некотором участии дворянства и купечества). В связи с этим, как оценить славянофильскую политологию, по выводам которой государство-“власть” лишь нечто вроде необходимого зла для обеспечения внешней безопасности общины-“земли”? Как неумение видеть и интерпретировать факты или как невинную романтическую фантазию? И то, и другое вряд ли пригодится современной русской мысли» (с. 73).

Замечу для непосвященных, что тут наш бунтарь восстает уже не просто против очередной нелепости общественного мнения (которое, по выражению Поля Гаварни, есть глупость каждого, помноженная на глупость всех), но даже против любимого Учителя — профессора Аполлона Кузьмина, что говорит о глубине накопившихся противоречий с традицией.

6. Против донельзя обрыдлого народопоклонства. Глубокий знаток творчества славянофилов имеет полное право утверждать: «Поистине роковой, непреднамеренно “данайский” дар славянофильства — “народопоклонство”, которое унаследовало и вульгаризировало народничество и которое до сих пор продолжает одурманивать даже и светлые русские головы, — убеждение в том, что только тот, кто занимается

физическим производственным трудом, и есть подлинный “народ”, а следовательно, только он и есть носитель национального духа; стоит же человеку получить высшее образование — и он немедленно отрывается от “почвы”» (с. 74). Ошибочность подобных воззрений очевидна.

А между тем, как совершенно правильно постулирует Сергеев, время ориентирует русское движение совсем на другое: «Формирование национально мыслящей элиты — задача номер один для любого нормального государства. И если мы хотим ее успешно решить, то от апологии простонародности нужно отказываться в первую очередь» (с. 75).

7. Против панславизма и даже против **славянофильства** (не только как конкретного исторического явления, контр-парного западничеству, но и как вообще направления мысли). Только «безнадежные оптимисты» (оцените интеллигентскую деликатность эфемизма!), согласно Сергееву, еще способны верить в славянское братство (с. 75). «Славянофилы, как истинные романтики и к тому же истинные русские люди, без всяких оговорок сломали грань между мифом и эмпирической реальностью, сделав первый средством познания второй, что не могло не привести к эффекту “скверного анекдота”» (с. 76). Да уж! Чувствуется в этих словах, насколько надо было проникнуться славянофильством, а после разочароваться и изжить его в себе, чтобы формулировать так остроумно и точно. Вообще, данной теме в книге посвящена даже специальная глава «Ревизия славянофильства», и этим все сказано.

8. Против евразийства, соблазнившего, особенно в дугинском варианте, порядочное количество малых сих: «Не спорю, евразийство эффектно, романтично, открывает вроде бы широкие политические перспективы. Одна только беда — оно основано на сплошных подтасовках, будучи “идеологи-

ей” в худшем смысле, “*умственным вывертом*”, по точному определению И.А. Ильина. Оно реанимирует самые нелепые утверждения славянофильства, которые русская мысль к началу XX века как будто уже преодолела» (с. 81–82).

9. Против имперской парадигмы, на смену которой должна прийти идеология «сбережения народа», по Солженицыну (с. 42). Этому больному вопросу посвящена целая глава «Цена империи» (с. 170–188), соль которой — в очень мягкой, сдержанной, но бескомпромиссной формулировке Сергеева: «Российская империя являет собой самый очевидный антипод национального государства... Национальную политику самодержавия с русской национальной точки зрения нельзя признать удачной»³⁶ (с. 186, 188).

10. Против — венец всего! — вообще т.н. «русской идеи» как комплекса обветшалых, мешающих благоприятному развитию Движения представлений (наиглавнейшие из них перечислены выше): «Речь... о самом важном — о собственно физическом существовании нашего народа. Демографические прогнозы неутешительны: при нынешней динамике рождаемости и при планируемой правительством крупномасштабной миграции уже к концу нынешнего столетия русские в России превратятся в нацменьшинство. При любом раскладе, захотят ли они

этому исходу сопротивляться или предпочтут с ним смириться, установка “жить для себя” — неизбежна. В первом случае она поможет мобилизовать волю к победе, во втором — будет способствовать выживанию в чрезвычайно пестром и агрессивном этническом котле. Мне кажется, “простой народ” лучше почувствовал весь трагизм ситуации, чем патриотическая интеллигенция, все еще пережевывающая жвачку “русской идеи”. Задача патриотов-интеллектуалов в том, чтобы рационализировать это интуитивное знание и сформулировать четко и ясно пути выхода из кризиса» (с. 87–88).

Жвачка «русской идеи»... Точнее, выразительнее и жестче не скажешь. И по большому счету — справедливей. Bravo!

В общем, как итожит сам автор вышеизложенного фронтального отрицания изжившей себя парадигмы: «Двадцать с лишним лет я посвятил исследованию и пропаганде наследия русского традиционализма XIX–XX веков и, в конце концов, пришел к горькому разочарованию в возможности (да и в нужности тоже) целостного осуществления его идеалов в современной России» (с. 8).

* * *

Конечно, Сергеев не первый, кто возвысил голос против, казалось бы, железобетонных основ, на деле давно превратившихся в бочку с цементом, в коем по колено увязли и застыли ноги русского движения³⁷. Но он про-

³⁶ Прекрасно, что подобные идеи сегодня постепенно становятся общим местом в воззрениях русских националистов, благодаря, в том числе, резонансным работам историков Валерия и Татьяны Соловей, историка и публициста Александра Самоварова и других. Между тем сравнительно еще недавно, каких-то 10–15 лет тому назад, антиимперская аргументация воспринималась чуть ли не как измена Родине. Помню, какое негодование, в частности, вызвала глава «Империя: цель и цена» (обращу внимание на переключку Сергеева с этим названием) из моей книги «Чего от нас хотят евреи» (1999).

³⁷ С искренним возмущением доктор философии, редактор «НГ-сценариев» Сергей Королев еще десять лет назад честил меня за неожиданный (для него) отказ от изживших себя «фундаментальных констант». «Севастьянов выступает против тысячелетней логики российской истории», — негодовал он. А я тогда же отвечал: «Да, был у нас такой замечательно интересный этап духовного развития, но — в прошлом. И выводы и рекомендации эти блестящие философы давали в

вел «систематическое развенчание системы» так последовательно, с таким знанием дела и пониманием ситуации изнутри, так корректно и неоскорбительно, как вряд ли мог бы сделать кто-либо другой. Пусть все священные коровы русского традиционализма пали под рукой искусного матадора, но это зрелище вызывает не ужас и отвращение, а восхищение и крики «Оле!».

Нам, русским националистами, давно пора научиться выговаривать свое, без оглядки на любые западные или отечественные традиции. А уж в случае успеха наши «предшественники» сами найдутся.

Граждане конструкторы, на выход, с вещами!

Сергеев мастерски расправляется не только с предрассудками и устаревшими взглядами дней минувших, но и с новомодными заблуждениями века сего, не менее враждебными идеям истинного национализма. И тут достается как западным идолам либерального идеализма, так и их доморощенным жрецам и апостолам.

Насущность этой критики велика. С одной стороны, далеко не случайно антирусский режим специально привлекает и всячески продвигает проповедников конструктивизма, демонстративно и напористо берущих под

прошлом очень интересные и замечательные. А вот в настоящем от них приходится решительно отказываться. Почему? Да потому, что веками развивавшиеся имперские тенденции русского этноса сегодня обернулись своей противоположностью. И вся русская классическая философия, аккумулировавшая вековой русский опыт и оформлявшая в духовной сфере указанные имперские тенденции (отсюда — концепции “всемирности”, “всечеловечности” русского человека), оказалась сегодня совершенно не ко двору. Она повисает в воздухе, лишённая почвы, болтая изящными ножками. Любоваться — можно; пользоваться — нет». Сколь отрадно мне сегодня читать аналогичные выводы Сергеева!

сомнение объективность расы, этноса, нации (понятия базовые). И вот уже Валерий Тишков³⁸ введен в Общественную палату и возглавляет там комиссию по межнациональным отношениям и свободе совести; а монография Владимира Малахова «Национализм как политическая идеология» рекомендована в качестве учебного пособия для вузов. Претендующие на роль хозяев этнополитического дискурса, чиновники от науки вводят в заблуждение неискушенную публику, порождая в общественном сознании один фантом, вроде мертворожденной «русской нации», за другим.

С другой стороны, проснувшийся интерес молодежи к национальной теме искусно направляется (как можно видеть на примере учебника по национализму, изданного ВШЭ в 2006 г.) по адресу «прогрессивных», «продвинутых» западных исследователей, якобы «глубоко» изучивших вопрос. Преимущественно, разумеется, конструктивистов. В результате в интеллектуально девственной среде массово вызревает «синдром Дугина», когда слабый мозг оказывается не в состоянии справиться с собственной эрудицией и критически осмыслить сильные, но легковесные идеи дутых зарубежных авторитетов, таких как Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум и др. И русские доверчивые неопиты, вместо того чтобы биться с теорией «воображаемых сообществ» и «изобретенных наций» как научно ошибочной и политически вредной для дела национализма, восхищенно и трепетно транслируют ее в еще менее просвещенные массы, иногда даже как бы против своей воли, в упор не видя ее кричащих противоречий или не вполне отдавая себе отчет в содеянном³⁹.

³⁸ Директор Института этнологии и антропологии РАН и одновременно, парадоксальным образом, автор книг «Забыть о нации» и «Реквием по этносу».

³⁹ За примерами ходить не далеко: *Ремизов Михаил*. *Нация: конструкт или реальность?*

Актуальной критике конструктивистских концепций нации и национализма у Сергеева посвящены главы «Организм или конструкт?» и «Миф о гражданской нации». Основные аргументы весьма достойны внимания:

— во-первых, Сергеев наблюдательно отмечает: «Ныне в мировом научном сообществе конструктивизм явно занимает ведущие позиции, что, на мой взгляд, отнюдь не свидетельствует об его истинности, а скорее — о серьезной болезни современной западной мысли, окончательно утратившей способность к онтологическому видению бытия и с маразматическим восторгом погружившейся в субъективистское своеволие» (с. 133). Воистину так, субъективный идеализм давно утвердился в качестве ведущего метода науки Запада, все тупики и ловушки которой проистекают из данного факта⁴⁰. И вот уже «наиболее последовательный конструктивист — английский исследователь⁴¹ Эрнст Геллнер договорился до того, что не нации порождают национализм, а наоборот, последний сам “изобретает нации”» (с. 132);

— во-вторых, Сергеев не без ехидства задает риторический вопрос: «Конструктивисты, отрицая этническую природу наций, не могут объяснить, почему для их “изобретения” понадобилась апелляция именно к чувству этнического родства, а не, скажем, к простой социальной солидарности или к экономическим интересам. Значит, этническая мобилизация более действен-

на, чем абстрактно-социальная. Не потому ли, что этничность представляет собой некое онтологическое свойство человеческой природы?» (с. 133). Ответ слишком ясен;

— в-третьих, развенчивая адептов «гражданской нации» (упомянутого Тишкова и иже с ним), Сергеев с историческими фактами в руках пытается обосновать именно этническую первооснову даже таких сложносоставных наций, как французы, англичане и американцы⁴², завершая свой экскурс эффектным выводом: «Приходится с грустью констатировать, что “гражданских наций” в природе не существует, их место обитания — головы либеральных идеологов» (с. 148). Я бы предложил публике совсем другие примеры и аргументы, но вывод готов подтвердить.

Врачу, исцелися сам

Что ж, стройплощадка для возведения здания новой русской идеи расчищена, новые мехи для заполнения их новым русским вином изготовлены. Каким оно будет?

Здесь наши с Сергеевым взгляды совпадают пока далеко не во всем. Если в своих представлениях о том, чего нам, русским, не нужно брать с собою в завтрашний день, Сергеев за протекшие пятнадцать лет догнал меня (и даже

Пролегомены к критике конструктивизма в науке о нации // ВН. 2010. № 1; Храмов Александр. Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма // ВН. 2010. № 2; Неменский Олег. Воображая нацию (под таким названием вышло на сайте АПН его выступление, опубликованное в том же номере ВН в подборке) и др.

⁴⁰ Аналогичный упрек западной традиции нациеведения см. также в предыдущем очерке.

⁴¹ Еврей, как и Э. Хобсбаум, уточняет Сергеев на с. 138.

⁴² С моей точки зрения, сегодня эта этническая основа, если и была когда-то (на счет французов это особенно сомнительно), уже претерпела неприемлемый для идентичности ущерб, что ведет названные «нации» к этнической фрагментации и конечному распаду и гибели. Лидируют в этом трагическом процессе, естественно, французы, именно потому, что они и не были никогда настоящей нацией, а только этническим конгломератом, стиснутым в рамках согражданства. Но подобный конгломерат — всего лишь салат, в который сегодня добавили ананас, а завтра селедку; но только что ни добавляй, а нацией это не будет, и «кушать» такой «салат» нельзя, его ждет историческая помойка.

местами существенно переиграл в плане основательности суждений), то в смысле постулатов, дефиниций и прогнозов нам еще необходимо доспорить.

Это касается в первую очередь основных тем: что есть нация и национализм.

Как нельзя безнаказанно играть с нечистой силой, так, видимо, возня с идеалистами-конструктивистами, даже критическая, не проходит без последствий. В результате той необходимой и важной работы, что была сделана Сергеевым по разгрому оппонентов, кое-что из добросовестно растоптанного им наследия налипло все же критику на ботинки. Это касается ложного и/или поверхностного представления о нации как о предмете некоего договора и представления о национализме исключительно как об идеологии. В то время как нация не есть что-то такое, о чем можно договориться с кем бы то ни было — с Богом или людьми. Генезис нации и национализма залегает и шифруется гораздо глубже верхушечной рациональной надстройки — там, где коренится самая природа человека, управляемая отнюдь не разумом, не корой головного мозга, а инстинктами, как у всего живого на Земле.

Об этом договориться нельзя

Обидно, однако констатирую: Сергеев привел в своей книге практически идеальное и полностью соответствующее современному дискурсу определение нации, но принадлежит оно не ему, а известному правоведа XIX века А.Д. Градовскому, который еще в 1873 году отчеканил: «Совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого», которая при этом «имеет образовывать особую политическую единицу, то есть государство». Если закрыть глаза на то, что Градовский пользовался русским термином «народность» вместо малоупотребительной тогда латинской «нации», тут ни убавить, ни прибавить: нация вся

как есть. Причем в самом актуальном смысле слова — достаточно сравнить это определение с тем, что ныне дают коллеги Градовского — юристы-цивилисты, профессора СПбГУ П.А. Оль и Р.А. Ромашов⁴³, которые пришли к выводу, что нация есть такая фаза развития этноса, в которой он обретает свой суверенитет, выражающийся в собственной государственности. (И — более краткое, но равнозначное определение: нация — это государствообразующий этнос). В ходе работы над монографией «Этнос и нация» мне пришлось досконально разбираться с хитросплетениями нациеведения, и я присягаю: более совершенной формулировки на сегодня не существует.

К сожалению, Сергеев прошел мимо им же самим обнаруженного перла Градовского и встал на зыбкую почву самодеятельного словотворчества. Между тем современное нациеведение уже непредставимо без книги А.Й. Элеза «Критика этнологии», ссылки на которую я у Сергеева не нашел. Да и в моей упомянутой выше монографии можно было бы найти бесполезную историю вопроса. Такой труд сэконобил бы Сергееву усилия и предостерег от излишнего пафоса первооткрывателя.

Что же такое нация по Сергееву? Дважды он повторяет в разных разделах полюбившуюся ему формулировку: «Нация — это форма, которую этнос приобретает в условиях современного общества, главная ее особенность — выдвижение на первый план проблемы политического и культурного единства» (с. 133, 164)⁴⁴.

⁴³ Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (Генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002.

⁴⁴ Во втором эпизоде Сергеев счел нужным уточнить: этнос — это-де «естественная биологически-культурная общность». К сожалению, это лишь популярное заблуждение, ибо этносы существовали как биологические единицы, продукты дивергенции рас, уже тогда, когда никакой особой этнической культу-

Казалось бы — довольно близко к формуле, созданной русскими юристами, но: 1) феномен «политического и культурного единства» покрывается одним термином «суверенитет», а оно, в свою очередь, раскрывается в слове «государственность», от которого, таким образом, никак нельзя уйти в дефиниции; 2) суверенитет и государственность народов — примета не только Нового времени; а следовательно, нации, причем именно этнонации, были и ранее (к примеру, римская нация республиканского периода, еврейская нация эпохи Израильского царства и др.).

Чувствуя несовершенство своей формулировки, Сергеев в главке «Нация в русской истории» пытается уточнить — и... срывается в типичный конструктивистский идеализм: «Нация — это культурно-политическая общность, постулирующая в качестве основания своего бытия собственные суверенность и самоценность» (с. 164–165).

Из этой уточненной, «усовершенствованной» дефиниции исчезли, как видим, естественно-биологическое основание нации (этнос), а также идея развития, эволюции, становления, стадийности. Зато появился, выпятился и пожрал объективную суть предмета — субъективно-идеалистический фактор: нация, оказывается, должна что-то о себе самой постулировать (кто именно это должен делать от лица нации, не указано).

Чем такое определение (нация есть то, что она сама о себе думает) лучше соловьевского (нация есть то, что думает о ней Бог) — я, право, понять не в силах. Зато я понимаю отлично, что любой объект является самим собой независимо от того, кто и что о нем думает, в т.ч. он сам, и задача историка — как раз выявить эту объективную суть⁴⁵. Остро-

умно критикуя Вл. Соловьева именно за указанную несурязицу, Сергеев забыл подставить себе то же зеркало.

Эта неосторожность дорого обошлась автору. Коготок увяз... Сергеев делает уступку за уступкой своим же оппонентам, которых только что разнес в пух и прах. От условного «пусть (согласимся на минуту) нация как единое целое — идеологическая фикция, но национальное чувство, которому подвержены миллионы... никак не может быть названо фиктивным» (с. 166) — до откровенно капитулянтского: «Мысль конструктивиста Э. Геллнера о том, что национализм предшествует нациям, имеет вполне рациональное зерно, во всяком случае, национализм точно предшествует оформлению нации в пределах всего населения той или иной страны, так сказать, “большую нацию” конструирует “малая нация” в лице политической и культурной элиты» (с. 163). Как тут не вспомнить отца философского идеализма Платона, учившего, что идея стола предшествовала в мире появлению стола как такового!

Дело, однако, в том, что бывают нации и «нации». В одном случае мы имеем дело с мононуклеарной структурой, выращенной из общего этнического ядра (немцы, русские, евреи и т.д.), а в другом — со структурой комбинированной, представляющей собой этнический конгломерат (французы, итальянцы, англичане), в отношении которого пресловутая сентенция Ренана о нации как ежедневном плебисците

а в этнологии и антропологии в частности, должен заявить, что феномен нации невозможно постичь вне соотнесения с феноменом этноса, а сей — вне соотнесения с феноменом расы. От этой печки и приходится танцевать, если стремиться к истине. Боязнь биологизма — типичный предрассудок гуманитарно-антропоцентриста. Но сегодня его с успехом преодолевают как историки (например, В.Д. Соловей), так и филологи (например, А.Н. Севастьянов).

ры, кроме обще-неолитической (и даже, вероятно, палеолитической), еще не было.

⁴⁵ Как человек, немало натрудившийся с проблемой дефиниций в социологии вообще,

не так уж бессмысленна. Мононуклеарная нация, те же русские, не требует никаких манифестаций, она просто есть — и все тут; а вот конгломерат может осуществиться как «нация» только через умственное насилие (вариант: плебисцит). Однако является ли он воистину нацией — вот вопрос!

Пример французов, уже вырождающихся, но так и не успевших ею стать (отчаянная попытка Ренана подвести теорию под этот факт не помогла), говорит: нет, не является. Конгломерат — он и есть конгломерат: сегодня в нем десять компонентов, завтра сто, но сколько еще ни добавляй, а его суть от того не изменится. Беда в том, что рано или поздно возросшие этнические компоненты перестают ассимилироваться и норовят создавать анклав, анклав же требует суверенитета, после чего распад такой «нации» — лишь дело времени, как свидетельствует судьба Рима, Византии и др.

Вышеприведенное «капитулянтское» заявление Сергеева обязывает возразить с позиций не только нациеведения, но и этнополитики. Однако не менее важное расхождение с автором ждет впереди. Он заявил:

«Мне представляется совершенно верным тезис о принципиальной новизне наций Нового времени по отношению к досовременным этносам. Нация в сравнении со средневековым обществом поражает своей социальной, политической и культурной гомогенностью. В нации преодолеваются сословные и прочие групповые разделения, образуется единое для всех ее членов социальное, политическое, правовое, экономическое и культурное поле. Нация едина социально (ни одна социальная группа формально не является привилегированной), политически (она живет в одном суверенном государстве, не предполагающем внутри себя никаких других политических образований), юридически (в этом государстве действует единое и обязательное для всех законодательство),

экономически (внутренний национальный рынок, национальное разделение труда, государственная банковская система) и культурно (все сверху до низу должны знать, кто такие Данте, Шекспир или Гете и относиться к ним с благоговением)» (с. 163–164).

На мой взгляд, такой подход излишне усложняет простую и ясную сущность нации как этноса, развившегося до стадии собственного государства. После такой решительной нотации остается, однако, совершенно неясным, почему, собственно, нация обязательно должна быть гомогенной? Кто это сказал, доказал? Где такую гомогенную нацию можно видеть? Да, подобные декларации порой звучат, но доказательной силы не имеют.

Возьмем, к примеру, самое яркое проявление нации в Новейшее время, а именно, немцев образца 1933–1945 гг. На поверхности мы видим идею тотального единства: одна нация, одна партия, один вождь и т.д. Но были ли преодолены «сословные и прочие групповые разделения», образовалось ли «единое для всех ее членов социальное, политическое, правовое, экономическое и культурное поле» и т.д.? Нет, никакой гомогенности тут не было и в помине. Перед нами — общество, очень жестко структурированное, разбитое на классы, сословия, корпорации, конфессии и иные группы с весьма стабильными границами, в котором еще и действовал, играя не последнюю роль во всех сферах жизни, вовсе закрытый орден национальной суперэлиты — СС. А между тем в плане национальной сплоченности, солидарности, идейно-политического единства немцам тех лет можно только остро завидовать (если отвлечься от финала, конечно). Уровень национальной консолидации — недостижимый для нас сегодняшних.

Итак, вооружимся «бритвой Оккама» и освободимся от «лишних сущностей», в данном случае — фантомных предикатов нации. Интересно, что про-

тив явно надуманного тезиса об обязательной гомогенности нации резко возражает не кто иной, как Виссарион Белинский, которого сам же Сергеев цитирует с пиететом: «Под “народом” всегда разумеют массу народонаселения, самый низший и основной слой государства. Под “нацией” разумеют весь народ, все сословия, от низшего до высшего, составляющие государственное тело» (с. 192). Понятно, что возможно что-либо одно из двух: либо гомогенность, либо — высшие и низшие сословия. Пример социально однородного общества в истории зафиксирован лишь однажды: советский народ, если верить мечтателю Леониду Брежневу.

Почему столь эрудированный, умный, проникательный и скептический автор попал в простую ловушку? Потому что сам себе ее и выстроил, поддавшись обаянию интеллектуальных баек конструктивистов? Потому что признал, вслед за ними: «Нельзя делать вид, что не было гигантских рукотворных усилий по формированию современных наций со стороны интеллектуалов и правительств» (с. 161)? Загадка. Характерно, однако, что в пример таких усилий Сергеев приводит лишь известные мистификации этнических эпосов, состряпанные Макферсоном и Ганкой, которые имели (и могли иметь) успех единственно потому, что для этого была подлинная материальная — биологическая! — основа: кровь, этнос, шотландский и чешский. Других аргументов нет. Но я готов побиться об заклад, что кто бы ни разработал, по примеру названных, мифологию хоббитов, купно с их псевдоэпосом, хоббитанская нация в результате от этого не возникнет. Напротив того, есть вполне известные нации (исландцы, норвежцы, киргизы, финны и др.), чьи немистифицированные эпосы тоже вполне известны («Круг Земной» Снорри Стурлусона, «Манас», «Калевала» и др.). Считать подобные литературные

памятники, по образцу коих творятся мистификации, «рукотворными усилиями по формированию наций» мне кажется довольно нелепым и анахроничным. Такой уступки идеализму делать нельзя, особенно раздолбав (и справедливо!) перед этим наш родной, русский традиционный идеализм.

Поистине, идеецентризм для историка противоположен в принципе, особенно если он — историк идей. Не стоит забывать, что сознание вторично, а первична — материя.

Экстраполируя свой теоретический посыл в Россию, Сергеев, на мой взгляд, закономерно ошибается, считая, что сегодня происходит «первое пришествие русской нации» (с. 155). Но ведь русское национальное государство у нас уже было!⁴⁶ Следовательно, русские имели суверенитет, а с ним и статус нации еще во времена Земских Соборов, но затем, по мере усиления имперской и династической тенденций, постепенно его утратили. И сейчас остро стоит вопрос: сумеем ли вернуть? Такая трактовка проблемы, мне кажется, менее располагает к опасному благодушию и носит более мобилизующий характер.

Опасная логика

Между тем идеалистическое понимание нации, само собой, ведет к идеалистическому пониманию национализма — и тоже в конструктивистском духе.

Конечно, национализм проявляет себя (именно проявляет!) в том числе в форме идеологии. Однако трактовать национализм исключительно как идеологию, а не как чувство и/или врожденный инстинкт, означает выдавать проявление сущности за саму сущность. Такова родовая травма типового конструктивиста. Она обусловлена именно пониманием нации как

⁴⁶ Мавродин В.В. Образование русского национального государства. 2-е изд. М., ОГИЗ — Госполитиздат, 1941.

интеллектуального, идеологического продукта; связь этих понятий самая прямая: сказал «А», изволь сказать и «Б». Как это делает тот же Малахов в своем учебном пособии. Мне уже приходилось критиковать такой подход⁴⁷, не стану повторяться, но лишь покажу, куда он может завести.

Вначале Сергеев просто именуется национализм идеологией (с. 48, 59), придавая ей положительное значение и мобилизационный потенциал. Но дальше происходит странная редукция этого важного понятия. Автор риторически спрашивает: «Большой и сложный вопрос: является ли национализм особой идеологией?». И отвечает: «Есть серьезные основания считать его служебным идейно-эмоциональным комплексом, который могут использовать в своих целях любые идеологии» (с. 166).

Конструктивисты «отдыхают»!

Увы, стоит отнестись к национализму как к идеологии, то есть как к инструменту, а не как к движителю, который сам располагает обширным инструментарием, дойдешь и до такой мысли. Чтобы далее опуститься еще ступенью ниже: «Национализм сам по себе не выдвигает какого-то особого, одному ему присущего проекта общественно-политического устройства, ему волей-неволей приходится “вписываться” в подобные проекты, содержащиеся в традиционализме, либерализме или социализме. С этой точки зрения национализм есть лишь “субидеология”, важный, но не единственный элемент всякой влиятельной идеологии» (с. 168).

Даже не верится, что это написано в наши дни, когда лозунг «Даешь русское национальное государство!» объединил русских националистов всех мастей столь явно, столь наглядно⁴⁸.

(О конкретных проектах такого государства у нас, надеюсь, будет возможность поговорить на страницах ВН.)

Свою антиапологию национализма Сергеев завершает так, что аплодисмент либерального лагеря начинает звучать в ушах с силой океанического прибора: «Национализм — идеология очень своеобразная, чрезвычайно пластичная и на удивление небогатая в теоретическом плане» (с. 169). Уж не знаю, какого богатства искал автор, избалованный разнообразием русской идеалистической традиции (и как только он нашел в себе силы отказаться от этого изобилия, этой «цветущей сложности»?). Но позволю себе заметить, что удивляться вряд ли стоило, ведь это мифов бывает множество, а истина — одна, и она всегда, как мы знаем, конкретна. Одна. И впрямь, небогато.

Не случайно, как видно, Сергеев, удрученный этим небогатством, призывает к созданию «нового русского мифа» (с. 89). Боже упаси! Никаких мифов больше! А то как бы не пришлось историку XXII века разбирать завалы новой, националистической мифологии и проводить новую «ревизию аксиом», отыскивая причины очередного и окончательного провала русских националистов.

Недобитую традицию — добить!

Итак, Сергеев прекрасно подготовил для русского национализма новые мехи (за что ему большое спасибо), но ничего подходящего туда сам пока не влил. Несмотря на обилие блестящих мыслей, интереснейших фактов и наблюдений, будоражащих мысль гипотез, небогатая теория национализма не была им заметно обогащена.

Почему? В целом ясно: идеализм русской традиции (в том числе, религиозно-философской), изучению и пропаганде которой автор, по его

⁴⁷ А.С. Русские: жить или умереть? // Размышления над книгой // ВН. 2010. № 3. С. 67.

⁴⁸ См. об этом: *Севастьянов Александр*.

Семнадцать мгновений истины, или Наш ответ Данилину // Наш современник. 2009. № 10.

собственному признанию, посвятил двадцать лет, держит цепко, въедается в мозг. Это во-первых.

А во-вторых, Сергеев, проявивший себя незаурядным разрушителем традиций, чей внимательный, точный, вдумчивый исторический анализ разбивал на наших глазах один миф или предрассудок за другим, забыл разбить еще один такой, причем важнейший.

Он и сам это знает и прекрасно понимает: «Традиционная русская мысль всегда чуралась биологизаторских концепций нации (за исключением, пожалуй, национализма начала прошлого века в лице М.О. Меньшикова или П.И. Ковалевского)» (с. 153). Ну, я бы добавил сюда еще и Суворина, и, конечно же, Василия Розанова, и не только; да, русская дореволюционная мысль с роковым опозданием дозрела до биологизма, но какие имена! Один Меньшиков чего стоит...

Оправдывая, более для самого себя, это «чурание», Сергеев поясняет: «Невозможно показать и объяснить трансформацию биологических признаков этноса (тех же отпечатков пальцев) в культуру и социальность» (с. 154).

Ан вот и нет! Во-первых, именно по отпечаткам пальцев на глиняных изделиях каменного века ученые делают совершенно неопровержимый и далеко идущий вывод о том, что мы, русские, — прямые потомки тех самых гончаров и наследники той самой культуры и социальности, которые существовали на нашей земле в весьма далекие времена.

А во-вторых — и это гораздо серьезнее — биологические различия этносов касаются не только дерматоглифических узоров (это лишь один из многих десятков этнодиагностических маркеров), но и устройства головного мозга. Расовые и даже племенные мозги — это объективная реальность, зафиксированная многими исследованиями. От этого уже так просто не отмахнешься. Связь соматики с самыми высшими проявлениями духовности

есть медицинский факт, от которого никуда не спрятаться. Соматика же, как ни крути, носит расовый и этнический характер. Это тоже факт. *Sapientia sat.*

Меньшиков, Ковалевский, Розанов... Примкнувший к ним, не убоившись, выдающийся историк Валерий Соловей... Чем плоха компания, Сергей Михайлович? Правда, придется потерпеть рядом еще и «записного националиста» Севастьянова, но на что не пойдешь ради общего дела!

* * *

В книге Сергеева много есть еще такого, о чем бы мне хотелось поговорить подробнее, поспорить, благо наши научные интересы, как выяснилось, слишком во многом совпадают. Но я не буду здесь обсуждать ни проблемы русской интеллигенции и среднего класса, на которого уповаet автор (это сделано мной в другом месте)⁴⁹; ни проблемы словесности и культуры (это требует иной площадки); ни проблему русского характера⁵⁰; ни трагическое заблуждение насчет принадлежности русских и России к Европе (быть европеоидом еще не значит быть европейцем); ни многого другого, повод к чему подает книга. И даже такой важный предмет для спора, как отношение русских националистов к режиму и Кремлю (Сергеев, на мой взгляд, питает здесь необоснованные надежды), оставляю для другого случая.

В заключение скажу кратко. Новые мехи русского движения ждут нового вина. Пожелаем всем нам — а Сергею Сергееву особо — успеха в его изготовлении.

⁴⁹ *Севастьянов А.Н.* Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса. М.: Книжный мир, 2009.

⁵⁰ Об этом пойдет речь в следующем номере ВН.